Shershenevich; Vadim

Avtomobil'ia postup

Вадимъ Шершеневичъ

АВТОМОБИЛЬЯ ПОСТУПЬ

Лирика (1913—1915)

Издательство „ПЛЕЯДЫ"

МОСКВА—1916

КНИГИ ВАДИМА ШЕРШЕНЕВИЧА:

Весеннія Проталинки. Стихи. Обложка Л. Зака. М. 1911 (въ продажѣ нѣтъ).

Carmina. Лирика. Книга I (1911—1913). Обложка и рисунки Льва Зака М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.

Романтическая Пудра. Стихи. К-во „Петербургскій Глашатай" СПБ. 1913. (распродано).

Экстравагантные Флаконы. Стихи. Обложка Л. Зака К-во «Мезонинъ Поэзіи» М. 1913. (распродано).

Автомобилья Поступь. Лирика. (1913—1915). К-во «Плеяды». М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Третья. Книга стиховъ (готовится).

Быстрь. Монологическая драма. Нумерованное изданіе. К-во «Плеяды» М. 1916. Ц. 1 р.

Футуризмъ безъ маски. Теорія футуризма. К-во «Искусство». М. 1914. (распродано).

Зеленая Улица. Статьи и замѣтки объ искусствѣ. К-во «Плеяды». М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Теорія рифмъ (готовится).

Манифесты итальянскаго футуризма. Переводъ М. 1914. Ц. 1 р.

Жюль Лафоргъ. Феерическій Соборъ. Переводы въ сотрудничествѣ съ В. Брюсовымъ и Н. Львовой. Обложка Л. Зака. К-во «Альціона». М. 1914 Ц. 2 р.

Маринетти. Битва у Триполи. К-во «Польза». М. 1915. Ц. 10 к.

Маринетти. Футуристъ—Мафарка. К-во «Сѣверные Дни» М. 1916. Ц. 1 р. 50 к.

Типографія В. И. Воронова, преемн. Ѳ. Л. Гавриленко.
Москва, Моховая д. кн. Гагарина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская „Автомобилью Поступь“, я не счелъ возможнымъ не написать предисловія.

Предисловіе—автомобильная сирена. Эта сирена своимъ воемъ и пронзительнымъ гудѣньемъ хватаетъ за руки вниманіе прохожихъ, возвѣщая близость тэфъ-тэфа. Съ другой стороны—сирена позволяетъ спортсмэну развить любую скорость и извѣдать сладострастное ощущеніе: побитіе рекорда,—отшвырнувъ опасность раздавить изумленныхъ пѣшеходовъ и лѣнивыхъ коровъ, романтично кушающихъ тощую травку.

Въ предисловіи принято фарисейски, патетично восклицать: „Кому нужна эта книга?!“ Надо этотъ вопросительный знакъ вывести въ тиражъ. Каждый поэтъ увѣренъ, что его книга нужна читателю; убѣжденъ въ этомъ и я.

Наша эпоха слишкомъ измѣнила чувствованіе человѣка, чтобы мои стихи могли быть похожи на произведенія прошлыхъ лѣтъ. Въ этомъ я вижу главное достоинство моей лирики: она насквозь современна.

Поэзія покинула Парнасъ; неуклюжій, старомодный, одинокій Парнасъ „сдается по случаю отъѣзда въ наемъ“. Поэтическое, т. е. лунныя бездѣлушки, „впередъ-народъ“, слоновыя башни, рифмованная реторика, стилизація,—распродается по дешевымъ цѣнамъ. Этимъ объясняется мнимая непоэтичность и антиэстетность моей лирики. Слишкомъ все „поэтичное“ и „красивое“ захватано руками прошлыхъ вѣковъ, чтобы оно могло быть красивымъ. Красота выявляется отовсюду, но въ мраморѣ она расхищена въ большой степени, чѣмъ въ навозѣ.

Урбанизмъ со своей динамикой, красотой быстроты, со своимъ внутреннимъ американизмомъ—растопталъ нашу цѣльную душу; у насъ сотни душъ, но каждая умѣетъ въ нужное время

сжаться и распрямиться съ наивысшей экспрессіей. Мы потеряли способность постигать жизнь недвижной статуи, но движеніе холерныхъ бациллъ во время эпидеміи—намъ понятно и восхитительно.

Здѣсь не мѣсто доказывать тѣ или иныя теоретическія устремленія поэта, не мѣсто спорить о тѣхъ или иныхъ формальныхъ заданіяхъ, о томъ, что пренебрежительно зовутъ „техникой". Кстати, именно эта техника и создаетъ поэта изъ стихотворца.

Я считаю ненужнымъ объяснять мои методы, такъ какъ это дѣло критика и внимательнаго читателя. Только одинъ пріемъ нуждается въ объясненіи, такъ какъ можетъ быть истолкованъ невѣрно.

Я подразумѣваю часто мною допускаемые, вопреки законамъ современной піитики, переносы словъ изъ одной строки въ другую при помощи тире. Конечно, не оригинальничанье и не эпатажъ побудили меня поступать такъ. Это не ново, а на эпатажъ у меня нѣтъ ни времени, ни охоты.

Мной руководила увѣренность, что связь двухъ строкъ должна достигаться чисто-поэтическимъ пріемомъ, и эти переносы дали возможность связать строки при помощи голой формы, не держась за пресловутый смыслъ.

Другихъ пріемовъ, какъ-то ритмическаго стиха, политематизма, ассо-диссонансовъ и т. д.,—я объяснять не стану.

Въ эту книгу включены стихотворенія, написанныя въ періодъ 1912-1914 гг. Многія изъ этихъ пьесъ были уже напечатаны, какъ въ моихъ предыдущихъ брошюрахъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ. Еще бо́льшее количество пьесъ, написанныхъ въ то же время, мною сюда не включено.

Я хотѣлъ представитъ въ этой книгѣ весь мой путь за это время, не опуская ни одного отклона. Для каждаго устремленія я попытался выбрать самое характерное, откинувъ подходы, пробы и переходы.

Ни для кого не тайна, что разбиваніе книги на отдѣлы—всегда произвольно и случайно, такъ какъ преслѣдуетъ чаще всего внѣшнія удобства. Въ предѣлахъ каждаго отдѣла мною сохранена приблизительно хронологическая послѣдовательность.

Въ заключеніе отмѣчу, что я не безъ колебанія поставилъ

на этомъ сборникѣ „Книга II-ая“. Дѣло въ томъ, что „Книга I-ая“ (Carmina) сегодня безконечно далека отъ меня, и я ее почти не считаю своей. Однако, помѣтивъ „Автомобилью Поступь“—„Книга I-ая“, я обрекалъ себя на безчисленное количество „Книгъ I-ыхъ“: я надѣюсь, что черезъ годъ и эта книга станетъ для меня чужой.

Лѣто. 1914.

Вадимъ Шершеневичъ.

P. S. Въ книгу мною включены пьесы, написанныя на военныя темы.

Осень 1915.

В. Ш.

Послушайте! Я и самъ знаю, что электрической пылью
Взыскриваются ваши глаза, но вѣдь это потому,
Что вы плагіатируете фонари автомобильи,
Когда они отъ нечего дѣлать пожираютъ косматую тьму.
Послушайте! Вы говорите, что ваше сердце ужасно
Стучитъ, но вѣдь это же совсѣмъ пустяки;
Вы значитъ не слыхали входной двери! Всякій разъ она
Оглушительно шарахается, ломая свои каблуки.
Нѣтъ, кромѣ шутокъ! Вы увѣряете, что корью
Захворало ваше сердце. Но вѣдь это необходимо хоть разъ.
Я въ этомъ убѣжденъ; хотите, съ докторами поспорю.
У каждаго бываетъ покрытый сыпною болѣзнью часъ.
А вотъ когда вы выйдете, въ разорванный полдень,
На главную улицу, гдѣ пляшетъ холодень,
Гдѣ скребутъ по снѣгу моторы свой выпуклый шагъ,
Какъ будто раки въ пакетѣ шуршатъ,—
Вы увидите, какъ огромный день, съ животомъ,
Раздутымъ прямо невѣроятно отъ проглоченныхъ людишекъ,
На тротуаръ выхаркиваетъ съ трудомъ,
И пища, пищи излишекъ.
А около него вскрикиваетъ пронзительно, но скорбно
Монументальная женщина, которую душитъ мой горбатый стишокъ,
Всплескивается и хватается за его горбъ она,
А онъ весь осѣдаетъ, пыхтя и превращаясь въ порошокъ.
Послушайте! Вѣдь это же, въ концѣ концовъ, нестерпимо:
Каждый день моторы, моторы и водосточный контрабасъ.
Это такъ оглушительно!
Но это необходимо,
Какъ то, чтобы корью захворало сердце хоть разъ.

Евгеніи Давидовнѣ

Шершеневичъ—

посвящаю.

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ СКЕЛЕТЫ.

I.

Въ рукавицу извощика серебряную каплю пролилъ,
Взлифтился, отперъ дверь легко.
Въ потерянной комнатѣ пахло молью
И полночь скакала въ черномъ трико.
Сквозь глаза пьяной комнаты, игривъ и юродивъ,
Втягивался нервный лунный тикъ,
А на геніальномъ диванѣ, прямо напротивъ
Меня, хохоталъ въ бѣльѣ мой двойникъ.
И Вы, разбухшая, пухлая, разрыхленная,
Обнимали мой варіантъ костяной.
Я руками взялъ Ваше сердце выхоленное,
Исчеркалъ его ревностью стальной;
И вмѣстѣ съ двойникомъ, фейерверя тосты,
Вашу любовь до утра грызли мы,
До-сыта, до-сыта, до-сыта,
Запивая шипучею мыслью.
А когда солнце на моторѣ рѣзкомъ
Увѣренно выиграло главный призъ,
Мой двойникъ вползъ въ меня, потрескивая,
И тяжелою массою рухнулся внизъ.

2.

Годъ позабылъ, но помню, что въ пятницу,
Къ небоскребу подъѣхавъ въ коляскѣ простой,
Я попросилъ сѣдую привратницу
Въ лифтѣ поднять меня къ вамъ въ шестой.
Вы изъ окошка, туберкулезно-фіалковая,
Увидали меня и вышли на площадку.

Въ лифтъ сѣлъ одинъ и, веревку подталкивая,
Заранѣе снялъ ласково правую перчатку.
И вотъ ужъ, когда до конца укорачивая
Канатъ подъемника, я былъ въ четвертомъ, —
Допрыгнула до меня Ваша пѣсенка вкрадчивая,
А снизу другая, запѣтая чортомъ.
И вдругъ застопорилъ лифтъ привередливо,
И я застрялъ между двухъ этажей,
Бился и плакалъ, кричалъ надоѣдливо,
Напоминая въ мышеловкѣ мышей.
А Вы все выше,
Уходили сквозь крышу,
И чортъ все громче, все ярче пѣлъ,
И только его одну пѣсню слышалъ,
И внизъ полетѣлъ.

3.

Лѣтнее небо похоже на кожу мулатки,
Солнце, какъ красная ссадина на щекѣ;
Съ грохотомъ рушатся витрины и палатки,
И дома, провалившись, тонутъ въ рѣкѣ.
Падаютъ съ отчаяньемъ въ пропасть экипажи,
Въ гранитной мостовой всѣ камни раздражены,
Женщины безъ платій, на головѣ—плюмажи,
И у мужчинъ въ петлицѣ—рѣсница Сатаны.
И только Вы, съ электричествомъ во взорѣ,
Слегка нахмурившись, глазомъ однимъ
Глядите, какъ Гамлетъ, въ вѣнкѣ изъ теорій,
Дико мечтаетъ надъ черепомъ моимъ.
Воздухъ бездушенъ и миндально-горекъ,
Автомобили рушатся въ провалы минутъ,
И Вы поете: Мой бѣдный Йорикъ,
Королевы жизни покойный шутъ!

4.

Такого вечера не была во—вѣки:
Это первый вечеръ самый настоящій.
Небо тяжелѣй, чѣмъ вѣки-
Мертвой женщины въ гробу лежащей.
Вы, лежащая въ гробу, какъ въ креслѣ,
Кажетесь кошмарною виньеткой.
Вы не встанете—я знаю; ну, а если?
Если вскинетесь гримасой ѣдкой.
Въ палисадникѣ осины—словно струны,
Вѣтеръ трогаетъ смычкомъ размѣрнымъ.
Если вскочите безмѣрно-юной,
Что скажу Вамъ взглядомъ я невѣрнымъ.
Нѣтъ! Я знаю:—дьяволъ не обманетъ,
Навсегда прикованная къ гробу!
Вѣтеръ на струнахъ дождя въ туманѣ
До конца разыгрываетъ злобу.

5.

Стучу, и изъ каждой буквы,
Особенно изъ неприличной,
Подъ странный стукъ вы-
лѣзаетъ карликъ анемичный.
Въ рукѣ у него фіалки,
Въ другой—перочинный ножикъ.
Онъ смѣяться усталъ, ки-
вая зигзагомъ ножекъ.
Мнѣ мѣрно разрѣжетъ сердце,
Вспискнетъ, вложитъ цвѣточекъ,
Снова исчезнетъ въ ъ, цѣ-
пляясь за округлость точекъ.
Маленькій мой, опрометчивый!
Вы ужасно устали!
Но вѣдь я поэтъ—чего
же вы ждали?

6.

Изъ-за глухонѣмоты сѣрыхъ портьеръ, цѣпляясь за кресла кабинета,
Вы появились и свое смуглое сердце
Положили на бронзовыя руки поэта.
Раздѣлись, и только въ брюнетной головѣ черепашилась гребенка и желтѣла.
Вы завернулись въ прозрачный вечеръ,
Какъ будто тюлемъ въ іюлѣ
Завернули
Тѣло.
Я метался, какъ на пожарѣ огонь, шепча: Пощадите, не надо, не надо!
А Вы становились все тише и тоньше,
И продолжалась сумасшедшая бравада.
И въ страсти и въ злости кости и кисти на части ломались, трещали, сгибались,
И вдругъ стало ясно, что истина—
Это Вы, а Вы улыбались.
Я умолялъ Васъ: „Моя? Моя!", волнуясь и бѣгая по кабинету.
А сладострастный и угрюмый Дьяволъ
Разставлялъ восклицательные скелеты.

7.

Вы бѣжали испуганно, уронивъ вуалетку,
А за Вами, съ гиканьемъ и дико крича,
Мчалась толпа по темному проспекту,
И ихъ вздохи скользили по Вашимъ плечамъ.
Бросались подъ ноги фоксы и таксы,
Вы откидывались, отгибая перо,
Отмахивались отъ изступленной ласки,
Какъ отъ укусовъ іюньскихъ комаровъ.
И кому-то шептали: „Не надо! Оставьте!"
Ваше бѣлое платье было въ грязи,

Но за Вами неслись въ истерической клятвѣ
И люди, и зданья, и даже магазинъ.
Срывались съ мѣста фонарь и палатка,
Все бѣжало за Вами, хохоча
И крича,
И только Дьяволъ, созерцая факты,
Шелъ неспѣшно за Вами и костями стучалъ.

8. Рюрику Ивневу.

Сумасшедшая людскость бульвара,
Толпобѣгъ по удивленной мостовой,
Земля пополнѣла отъ іюльскаго жара,
Колоратуренъ и дикъ миговой
Моторовъ вой.
Толпа гульлива, какъ съ шампанскимъ бокалы,
Съ немного дикостью кричатъ попури,
А верхнія ноты, будто шакалы,
Яростно прыгаютъ на фонари
И эспри.
Отрывные звуки, и Вы съ плюмажемъ
На верандѣ въ манто пьете мотивъ.
У васъ чьи-то черепа за корсажемъ.
Небо распахнулось, какъ дамскій лифъ,
Облачныя груди раскрывъ.
Длиннѣетъ... Свѣжѣетъ... Стальной полосою
Вѣтеръ бьетъ въ лица и въ газовый свѣтъ,
И надъ бульваромъ машетъ косою,
Въ гимнастный костюмъ одѣтъ,
Плѣшивый скелетъ.

9.

Я осталась одна и мнѣ стало скучно...
Около лежалъ мой двухнедѣльный ребенокъ...
Было октябрьски... Разноцвѣтились юбочки-тучи,
И черти выглядывали изъ подъ кучи пеленокъ...
И мнѣ стало истерически скучно и печально...

—(Ахъ, почему Вы не понимаете, что такое тоска?!)—
Я отъ боли утончилась и слегка одичала,
И невольно къ подушкѣ протянулась рука.
И вотъ этою самой голубой подушкой
Съ хохотомъ я задушила ребенка...
Я помню его торчащія уши
И то, что изъ прически выпала гребенка.
Подошла къ окошку, побарабанила звонко,
Улыбнулась въ прыгнувшій вѣтеръ, въ стужу,
Подошла къ висячему телефону
И обо всемъ сообщила удивленному мужу.
Подмигнула чертямъ на электролюстрѣ,
Одѣла сѣрое платье, чтобъ быть похожей на тучи...
Вы понимаете, что все это было отъ грусти!
Отчего же врачи говорили про патологическій случай?

10. Льву Заку.

За фужеромъ горящаго, разноцвѣтнаго пунша,
Въ кафэ заполночномъ, подъ брызги „Macсheroni",
Съ нервнымъ проборомъ, безъ профиля юноша
Дико, изступленно и сумасшедше стонетъ.
Изъ застекленной двери, не мѣшкая,
Торопливо поправляя прическу крутую,
Выходитъ расхлябанная, развинченная дѣвушка,
И плачъ юноши привычно цѣлуетъ.
И вдругъ у юноши изъ ногтей выростаютъ когти,
Сквозь проборъ пробиваются, какъ грибы сквозь листья,
Два рога козлиныхъ, и въ ресторанномъ рокотѣ
Юноша въ грудь ударяетъ дѣвушкѣ плечистой.
Мертвая, конечно, падаетъ... Какія-то лица
Сбѣгаются на шумъ и, сквозь сигарный угаръ,
Жестикулируя, юноша объясняетъ полиціи,
Что у нея апоплексическій ударъ.

11.

Эпизоды и факты проходятъ сквозь разумъ
И, какъ изъ машинъ, выходятъ стальными полосками;
Все около пахнетъ жирнымъ наркозомъ,
А душа закапана воскомъ.
Электрическое сердце мигнуло робко
И перегорѣло.—Гдѣ другое найду?!
Ахъ, я вверну Вашу улыбку
Подъ абажуръ моихъ думъ.
И буду плакать—какъ весело плакать
Въ электрическомъ свѣтѣ, а не въ темнотѣ!—
Натыкаться на жилистый дьявольскій коготь
И на готику Вашихъ локтей.
И будутъ подмаргивать колѣни Ваши,
И будетъ хныкать моя судьба...
Ахъ, тоска меня треплетъ, будто афишу.
Расклеивъ мою душу на дняхъ-столбахъ.

12.

Вѣрю таинственнымъ мелодіямъ
Электрическихъ чертей пролетѣвшихъ.
Пойдемте, въ шумахъ побродимъ,
Посмотримъ растаявшихъ дѣвушекъ.
Пыхтятъ черти двуглазые,
Газовые,
Канделябрясь надъ звуканьемъ грузной прихоти.
Обнаглѣвшіе трамваи показываютъ
Мертвецовъ, застывшихъ при выходѣ.
Вечеръ-гаеръ обаятельно раскрашенъ,
Какъ я уже говорилъ, разгриммировать его нѣкому,
А мотоциклетка отчаянный кашель
Втискиваетъ въ нашу флегму.
Вѣрю въ таинственность личика,
Замкнутаго конвертно.
Ужасъ зажигаетъ спичкой
Мое отчаянье предсмертное.

Долой! Долой! Изсѣра-
Синеваты проспекты, дома, газовый хоръ...
Пригоршни тяжелаго, крупнаго бисера
Разметнулъ передо мною моторъ.

13.

Полсумракъ вздрагивалъ. Фонари свѣтовыми топорами
Разрубали городскую тьму на улицы гулкія.
Какъ щенки, подъ неслышными ударами
Отлетали маленькіе переулки.
Громоздились другъ на друга стоэтажные вымыслы.
Городъ пролилъ крики, визги, гуловыя брызги.
Вздыбились моторы и душу вынесли
Пьяную отъ шума, какъ отъ стакана виски.
Электрическіе черти въ черепѣ развѣсили
Веселыя когда-то суевѣрія—теперь трупы;
И ко мнѣ, забронированному позой Кесаря,
Подкрадывается городъ съ кинжаломъ Брута.

14.

Уродцы сервировали столъ. Черти щупленькіе
Были вставлены въ вазы вмѣсто цвѣтовъ.
Свѣшивались рожки и ножки, и хохотала публика,
И хихикало на сливочной дамѣ манто.
Гудѣлъ и шумѣлъ,
Свистѣлъ и пѣлъ
Южный ужинъ
И все пролетало, проваливаясь въ пустоту.
Сердце стало замерзать изнутри, а не снаружи.
Я выбѣжалъ, опрокинувъ танцующій стулъ.
Чтобъ укрыться отъ пронизаній ливня мокраго
Событій—я надѣлъ на душу плащъ мелочей.
Вязну въ шумѣ города, въ звяканьѣ, въ звуканьѣ кинематографа,
Въ манной кашицѣ лицъ мужчинъ и дѣвочекъ.

А придя домой, гдѣ нечего бояться
Облиповъ щупальцевъ стоногой толпы—
Торопливо и дѣловито пишу куда-то кассацію
На несправедливый приговоръ судьбы

15.

Тонемъ, испуганная, въ гулѣ спираемомъ
Инквизиторской пыткой небоскребныхъ щипцовъ.
Эй, взлетайте на аэро
Съ ненавистнымъ гаеромъ
Къ истеричной мазуркѣ нервныхъ облаковъ.
Небоскребы опустятся. Мы въ окна взмечемъ
Любопытство, прыгающее въ нашихъ глазахъ.
Въ окнѣ, съ мольбою: не зачѣмъ-нечѣмъ,
Увидимъ на веревкѣ оскаленный страхъ.
Подъ чердакомъ въ треугольникъ отверстія
Слухъ нашъ схватитъ за руки скелетный лязгъ,
И тотчасъ-же поймемъ вчерашнюю версію
О новомъ па сатанинскихъ плясокъ.
А за крышею, выше, гдѣ луна-неврастеничка
Прогрызла заматерѣвшій бѣловатый шелкъ,
Вы потушите въ абсолютномъ безмолвіи личико,
Искаженное отъ боли шумовыхъ иголокъ
На память о взлетѣ сегодняшнемъ выстругавъ
Изъ сосѣдней тучки экзальтированный апрѣль,
Мы съ дикою граціей признанныхъ призраковъ,
Вверхъ тормашками грохнемся внизъ, на панель.

16.

Небоскребы трясутся и въ хохотѣ валятся
На улицы, прошитыя каменными вышивками.
Чьи-то невидимые игривые пальцы
Щекочутъ землю подъ мышками.
Набережные заламываютъ віадуки желѣзные,
Секунды проносятся въ сумасшедшемъ карьерѣ

Уставшія, взмыленныя, и взрывы внезапно обрѣзанные
Краснорѣчивятъ о пароксизмѣ истерикъ.
Раскрываются могилы и, какъ рвота, вываливаются
Оттуда полусгнившіе трупы и кости,
Оживаютъ скелеты подъ стихійными пальцами,
А небо громами вбиваетъ гвозди.
Съ грозовыхъ монопlановъ падаютъ на-землю,
Перевертываясь въ воздухѣ, молніи и кресты.
Скрестярукій любуется на безобразіе
Угрюмый Дьяволъ, сухопаро застывъ.

17.

Взвизгнулъ локомотивъ и, брызжа
Паровою слюною на рельсы, проглотилъ челюстями спицъ
Трехаршинныя версты. День чахоточный высохъ,
А вечеръ, разстрѣлянный фонарями рыжими,
Вытаращилъ пучеглазыя витрины изъ подъ рѣсницъ
Подмалеванныхъ плакатовъ и вывѣсокъ.
Курносыхъ отъ высокомѣрія женщинъ цѣловалъ неврастеникъ-
Электрическій свѣтъ. Перегнулась надъ улицей модель,
А вы, связывая переулки въ огромный вѣникъ,
Расплескали взорную черень на панель.
Я и самъ зналъ, что я слабъ, и
Надъ нами прокаркало летучее кладбище воронъ.
Я, культяпая, раздулъ мои жабьи
Бедра и прыгнулъ сразу со всѣхъ сторонъ.
Вѣдь если мое сердце красно, такъ это же
Потому, что его бросили совсѣмъ живымъ
Въ кипящую жизнь, какъ рака. Извѣдавши
Кипятокъ, я шевелю, какъ клешней, языкомъ тугимъ.
Шевелю и нахлобучиваю до бровей желѣзную крышу
На канканъ моихъ великолѣпныхъ и тряскихъ костей,.
И въ каждомъ воплѣ автомобиля слышу
Крикъ, распятыхъ наукой и людьми, чертей.

ЛУННЫЕ ОКУРКИ.

I.

Мы поѣхали съ Вами въ автомобилѣ сумасшедшемъ,
Лепечущемъ по дѣтски, въ Папуасію Краснокожую.
Фонари не мигали оттого, что забыли зажечь ихъ
И погода была очаровательно-хорошая...
Сморщенный старикашка на поворотахъ съ сердцемъ
Трубилъ прохожимъ, и они разбѣгались озабоченно.
Мы вѣрили во что-то... Ахъ, всегда намъ вѣрится,
Когда мы рядомъ съ испуганной ночью.
По рытвинамъ
Выйти намъ
За ухабы и шлагбаумы
Было легко и весело и, кромѣ того, надо-же
Уѣхать изъ столичной флоры и фауны
И порѣзвиться экзотично и радужно.
На скалы наскакивали, о пни запинались
И дальше пролетали,
Хохотали
И мелкали мы,
Промоторили
Крематоріи
И неожиданно, какъ въ вальсѣ,
Въ пескучей Сахарѣ любовались пальмами.
Уѣхали изъ Африки и вдругъ передъ моторомъ моремъ
Заиграли дали,
Мы хохотали,
Старикашка правилъ;
Мы въ воду въѣхали и валомъ соленогорькимъ
Захлебнулись и умерли около яви.

2. Е. И.

Сильнѣе, звончѣе аккордъ электричества,
Зажгите всѣ люстры, громче напѣвъ!
Я пью за здоровье Ея Величества,
Сѣдой королевы сѣдыхъ королевъ!
Ваше Величество! Жизнь! Не много-ли
Вамъ на щеки румянъ наложилъ куаферъ?
Скажите лакеямъ, чтобъ меня не трогали:
Я пѣсни спѣть Вамъ хочу въ упоръ.
Пропустите къ престолу шута-поклонника!
Сегодня я—гаеръ, а завтра—святой!
Что-же время застыло у подоконника?
Я его потяну за локонъ сѣдой!
Время, на жизнь поглядите! Давно она
Пѣсенокъ проситъ, а Вы—мертвецъ.
Выше, размалеванныя руки клоуна,
Къ трону, къ престолу, веселый юнецъ!
Ваше Величество, жизнь безполая,
Смотрите пронзительнѣй между строкъ!
Развѣ не видите тамъ веселые
Слѣды торопливыхъ гаерскихъ ногъ?
Сильнѣе, звончѣе аккордъ электричества!
Жизнь, осклабьтесь улыбкой больной!
Къ Вамъ пришелъ я, Ваше Величество,
Вашъ придворный искусный портной!

3.

Грустнымъ вечеромъ за городомъ распыленномъ,
Когда часы и минуты утратили ритмъ,
Въ лѣтнемъ садикѣ, подъ разбухшимъ кленомъ,
Я скучалъ надъ гренадиномъ недопитымъ.
Подъѣзжали коляски, загорались плакаты
Подъ газовымъ фонаремъ, и лакеи
Были обрадованы и суетились какъ-то,
А бензинъ наполнялъ парковыя аллеи...
Лихорадочно вспыхивали иллюминацiи мелодiй

Цыганскихъ пѣсенъ и подмигивалъ смычокъ,
А я истерично плакалъ о томъ, что, въ ротондѣ
Изъ облаковъ, луна потеряла пустячокъ.
Ночь прибѣжала, и всѣ стали добрыми,
Пахло вокругъ электризованной весной,
И, такъ какъ звѣзды были всѣ разобраны,
Я изъ сада ушелъ подъ ручку съ луной.

4.

Ночь встала—и мѣсяцъ плѣшивый
Съ ней въ траурномъ танцѣ плыветъ;
Какъ бальнаго платья извивы—
Растрепанныхъ тучекъ полетъ.
Оркестръ трубящій и гулкій
Льетъ всплавленный громъ въ синеву...
Вы снова, земля, на прогулкѣ
И снова я рядомъ плыву.
Какъ груди огромной и полной
Волненье притяжно-сильнѣй—
Вздымаются пышныя волны
Взметенныхъ приливомъ морей.
Плывемъ мы, влюбленная пара,
Казбекъ—словно бѣлый esprit...
Надо тьмущею тьмой тротуара
Созвѣздій горятъ фонари.

5.

Отчего сегодня такъ странна музыка?
Отчего лишь черныя клавиши помню?
Костюмъ романтика мнѣ сегодня узокъ,
Вспоминанье осталось одно мнѣ.
Въ моей копилкѣ такъ много ласковыхъ
Воспоминаній о женщинахъ и барышняхъ;
Я ихъ опускалъ туда наскоро,
И вотъ вечера мнѣ стали страшны.
Пискъ мыши, какъ скрипка, пискъ мыши, какъ вѣдьма,

Страшно въ прелюдіи огромнаго зала;
Неужели меня съ чьимъ-то наслѣдіемъ
Жизнь навсегда, навѣчно связала?
И только помню!.. И въ душѣ размягченной,
Какъ асфальтъ подъ солнцемъ, слѣды покорные
Чьихъ-то копытъ и шинъ разъяренныхъ!
—Провалитесь, клавиши чопорныя!

6. Рюрику Ивневу.

Прихожу въ кинемо; надѣваю на душу
Для близорукихъ очки; сквозь туманъ
Однобокіе вальсы слушаю
И смотрю на экранъ.
Я знаю, что демонстраторъ ленты—бумажки
Въ отдѣльной комнатѣ привычнымъ жестомъ
Вставляетъ въ аппаратъ вверхъ тормашками,
А Вы все видите на своемъ мѣстѣ.
Какъ-то перевертывается въ воздухѣ остовъ
Картины и обратно правильно идетъ.
А у меня странное свойство—
Я все вижу наоборотъ.
Мнѣ смѣшно, что моторы и экипажи
Вверхъ ногами катятся, а внизу облака
Что какой-то франтикъ ухаживаетъ,
Вися у потолка.
Я дивлюсь и сижу удивленно въ креслѣ.
Все это комично; дѣтско; сквозь туманъ
Все сумасшедше... И мнѣ весело,
Только не по Вашему, когда я гляжу на экранъ.

7.

У другихъ поэтовъ связаны строчки
Рифмою, какъ законнымъ бракомъ,
И напѣвность метра, какъ вѣнчальныя свѣчки,
Теплится въ строфномъ мракѣ,—
А я люблю только связь диссонансовъ,

Связь на вечеръ, на одну ночь!
И съ виду неряшливый ритмъ, какъ скунсомъ,
Закрываетъ строки,—правильно-точенъ.
Иногда допускаю бракъ гражданскій,
Ассонансовъ привередливыхъ бракъ!
Но они теперь служатъ рифмой веселенской
Для всѣхъ начинающихъ писакъ.
А я люблю только гулъ проспекта,
Суматоху моторовъ, презираю тишь ..
И кружатся въ пьесахъ, забывши такты,
Фонари, небоскребы и столбы афишъ.

8. Тріолетъ съ каламбуромъ.

О, блѣдная моя! Каракули
Я ваши берегу въ столѣ...
Ахъ мнѣ-ль забыть, какъ въ февралѣ
Васъ, блѣдную мою, каракули
Закрыли въ набережной мглѣ,
И, какъ, сказавъ: „Adieu“—заплакали!
О, блѣдная моя! Каракули
Я Ваши берегу въ столѣ...

9.

Милая дама! Вашу секретку
Я получилъ и вспомнились вдругъ
Вашъ будуаръ—и изъ скунса горжетка,
Мой кабинетъ—раскидная кушетка,
Гдѣ-то далеко Вашъ лысый супругъ.
Что Вамъ отвѣтить! Сердце и радо,
Фразъ не составлю никакъ.
Мысли хохочутъ, смѣясь до упада...
Милая дама! Мужа не надо!
Мужъ Вашъ напомнилъ мнѣ „твердый знакъ“!...
О, какъ жемчуженъ безъ мужа ужинъ!
Взвизгнувшихъ устрицъ узорная вязь!
Вы углубились въ омутъ изъ кружевъ...

Мужъ Вашъ, какъ ъ, для того только нуженъ,
Чтобы толпа не замѣтила связь.
Знаете, дама, я только приставка,
Вы-же основа, я - случай, суффиксъ,
Только къ вечернему платью булавка!
Близкая дама! Салонная травка!
Вами проросъ четверговый журфиксъ.
Что Вамъ отвѣтить? Обезпокоивъ,
Хочется вновь Васъ отдать тишинѣ.
Завтра придете.—А платье какое?!
Знаю: изъ запаха бѣлыхъ левкоевъ!
—Если хотите—придите ко мнѣ.

10

Въ концѣ концерта было шумно послѣ Шумана,
Автоматически щелкали аплодисменты,
И декадентская люстра люстрила неразумно,
Расцвѣчивая толповыя ленты.
Я ушелъ за Вами изъ концерта. Челядь
Мелкихъ звѣздъ перевязывала голову
Вечеру голому,
Раненому на неравной дуэли.
Одѣтые въ шумъ, мы прошли віадукъ
И потомъ очутились въ Парадизной Папуасіи,
Гдѣ кричалъ, какъ въ аду,
Какаду,
И донкихотились наши страсти.
Въ ощущеніи остраго ни одной оступи!
Кто-то по небу пропыхтѣлъ на автомобилѣ;
Мы были на островѣ, несовсѣмъ краснокожемъ островѣ!
А мимо проходили
Мили
И кидали
Дали.
Гдѣ мы, раздѣтая? Проклятая, гдѣ мы сегодня?
Въ сердцѣ плыли губы Офеліи три тысячи лѣтъ.
Кошмарная дѣвственница! Понялъ, понялъ:
Мы на землѣ!

11.

Вчера меня принесли изъ морга
На кладбище. Я не хотѣлъ, чтобъ меня сожгли!
Я въ землѣ не пролежу долго
И не буду съ ней, какъ съ любовницей, слитъ.
Раскрытая могила ухмыляется запачканной мордой,
Нелѣпа, какъ взломанная касса, она.
Пусть разнощикъ съ физіономіей герольда
Во время отпѣванія кричитъ: Огурцы! Шпинатъ!
Я вылѣзу въ полдень къ монашеской братіи,
Закурю папиросу, обращая въ трапецію . . . . . ,
Я буду подозрительнымъ. Я буду, какъ сатиръ!
Ахъ, я никогда не хотѣлъ быть святымъ.
Буду говóритъ геніальные спичи,
Размахивая острымъ окончаніемъ стиха,
Буду судить народы по методу Линча
И бить костлявой рукой по грѣхамъ.
А, можетъ быть, лучше было бы, во время панихиды,
Всѣхъ перепугать, заплескавшись, какъ на Лидо?!

12.

Старая дѣва—совѣсть полируетъ шероховатыя души;
Она сегодня не въ голосѣ. Бѣгу, заткнувъ уши, не слушая.
Раздаю по привычкѣ нищимъ монеты добродѣтели фальшивой.
Старая дѣва, какъ сыщикъ, за мною слѣдитъ хрипливо.
Старуха! У меня мозоли на сердцѣ отъ этой раздачи;
Мозоли, какъ у того, кто колетъ дрова для прачечной.
Старая дѣва—совѣсть полируетъ сегодня души.
Она совсѣмъ не въ голосѣ; бѣгу и не слушаю!

13.

Мы были въ двоемъ, графиня гордая!
Какъ многоуютно бросаться вечерами!
За нами слѣдили третій и четвертая,
И безпокой овладѣвалъ нами.
Къ Вамъ ужасно подходитъ Вашъ санъ сіятельный,
Особенно, когда Вы улыбаетесь строго!

На мнѣ отражалась, какъ на бумагѣ промокательной,
Ваша свѣже-написанная тревога.
Мнѣ пить захотѣлось, и съ гримаскою бальной
Вы мнѣ предложили влажныя губы,
А страсть немедленно перешла въ атаку нахальную
И забила въ барабанъ сердца, загремѣла въ трубы.
И подъ эту надменную,
Военную
Музыку
Я представилъ, что будетъ лѣтъ черезъ триста.
Я буду въ ночь безсолнечную и тусклую
Ваше имя гравировать на звѣздныхъ листьяхъ.
Ахъ, лимономъ не смоете поцѣлуи гаера!
Никогда не умру, и, какъ вѣчный жидъ,
Моя интуитта съ огнекраснаго аэро
Упадетъ Вамъ на сердце и въ немъ задрожитъ.

13.

Забыть... Не надо! Ничего не надо!
Небо нависло суповою миской!
Жизнь начиталась романовъ де-Сада
И сама стала садисткой.
Хлещетъ событіемъ острымъ по губамъ, по глазамъ, по тѣлу голому
Наступивъ на горло башмакомъ американскаго фасона.
Чувства исполосованныя стонутъ
Подъ лаской хлыста тяжелаго.
Но тембръ кожи у жизни повелѣваетъ успокоенно...
Ахъ, ея повелительное наклоненіе сильнѣй гипнотизма!
Выпадаютъ нестройно
Страницы изъ моего организма.
Поймите, поймите! Мнѣ скучно безъ колоссальнаго дебоша!
Вскидываются жизненныя плети!
Ахъ, зачѣмъ говорю такъ громко? У вѣтра память хорошая,
Онъ насплетничаетъ завтрашнимъ столѣтьямъ!!!

14.

О, кто этотъ день растянулъ на Прокрустовомъ ложѣ?!
Троттомъ
Ползаютъ сонныя минуты,

Ихъ склеиваетъ зѣвота.
Никто меня не тревожитъ!
Съ нетерпѣніемъ, но напрасно жду удара Брута.
О, гдѣ-же жестокость желѣза?!
Люди! Взгляните! Я—Цезарь!
О, кто этотъ день растянулъ на Прокрустовомъ ложѣ?
Убейте, кто можетъ.
Тоска разбухаетъ, наполняетъ углы секунды и терцій!
Заливаетъ порѣзы въ сердцѣ!
О, вечеръ! Гость запоздавшій! Въ деревняхъ
Тоска (столѣтній евнухъ)
Оберегаетъ меня отъ заботы.
Часы по кругу ѣдутъ троттомъ.
Спѣшите, финишируйте, бѣговыя лошадки!
Душа устала. Привычки-складки.
Обмохрилась любовь.
Зрѣніе разодрано въ кровь.
О, кто этотъ день растянулъ на Прокрустовомъ ложѣ?

15.

всѣмыкакбудтонароликах
с**В**алитьсялегконосейчас
мч**А**тьсяивесел**О**исколько
дам**Л**орнируютo**Т**мѣннонас
нашг**Е**р**Б**украшенликерами
имыде**Р**зкіедуш**А**сьшипром
ищем**Ю**г**I**юляиво**В**семформу
мча**С**ило**Ю**откры**Т**оклиппер
зн**О**йнознаемчт**О**всѣюноши
и**В**сѣпочтигово**Р**юбезусые
Утверждаяэточ**А**шкупунша
пьемсрадостьюза брюсова

16.

Порыжѣла небесная наволочка
Зо звѣздными мѣтками изрѣдка...
Закрыта земная лавочка
Рукою вечерняго призрака.

Вы вошли въ розовомъ капорѣ.
И, какъ огненныя саламандры,
Ваши слова закапали
Въ мой меморандумъ.
Уронили, какъ пепелъ оливковый,
Съ догорѣвшихъ губъ упреки...
По душѣ побѣжали вразбивку
Воспоминанія легкія.
Проложили отчетливо рельсы
Для рейсовъ будущей горечи.
Какъ пузырьки въ зельтерской,
Я забился, зарябился въ корчахъ.
Ахъ, какъ жегъ этотъ пепелъ съ окурка
Все, что было всегда и дорого!
Боль по привычкѣ хирурга
Ампутировала восторги.

17.

Вы вчера мнѣ вдѣли луну въ петлицу,
Оборвавъ предварительно пару увядшихъ лучей,
И нѣсколько лунныхъ рѣсницъ у
Меня зажелтѣли на плечѣ.
Мысли спрыгнули съ мозговыхъ блокнотовъ.
Кокетничая со страстью, плыву къ
Радости и душа, прорвавшись на верхнихъ нотахъ
Плеснула въ завтра сѣрный звукъ.
Время прогромкало искренно и хрипло.
Ѣлъ басовые аккорды. Крича съ
Отчаяньемъ, чувственность къ сердцу прилипла,
И, точно пробка, изъ вѣчности выскочилъ часъ.
Восторгъ мѣрнобулькавшій жадно выпитъ.
Кутаю сердце въ мѣховое пальто.
Какъ-то пристально бросились Вы подъ
Пневматическія груди авто.

ВЕСНУШКИ РАДОСТИ

1. Владиславу Ходасевичу.

Вечеръ былъ ужасно туберозовъ,
Вѣчность изъ портфеля потеряла morceau
И, разсѣянно, какъ настоящій философъ,
Подводила стрѣлкой физіономію часовъ.
Усталъ отъ электрическихъ ваннъ витринъ,
Отъ городского грамофоннаго тембра.
Полосы шампанской радости и смуглый сплинъ
Чередуются, какъ кожа зебръ.
Мысли невзрачныя, какъ оставшіяся на—лѣто
Въ столицѣ женщины, въ обтрепанныхъ шляпахъ.
Отъ земли, затянутой въ корсетъ мостовой и асфальта,
Вскидывается потный, изнурительный запахъ.
У вокзала бѣгаютъ паровозы, откидывая
Взъерошенные волосы со лба назадъ.
Утомленный вечерней интимностью хитрою,
На пляжѣ настежь отворяю глаза.
Копаюсь въ памяти, какъ въ пескѣ послѣ отлива,
А въ ушахъ дыбится городской храпъ;
Вспоминанье хватаетъ за палецъ ревниво,
Какъ выкопанный нечаянно крабъ.

2.

Мы пили абсентъ изъ электрической люстры,
Сердца засургученныя навзничь откупоривъ.
Потолокъ прошатался надъ ресторанной грустью
И все завертѣлось судорожнымъ кубаремъ.
Посылали съ воздухомъ взорную записку,
Гдѣ любовь картавила, говоря по французски,
И, робкую тишину въ уголъ затискавъ,
Стали узки
Брызги музыки.
Переплеты приличій отлетѣли въ сторону,
Въ изступленной похоти расшатался мозгъ.
Восклицательные красновато-черны!
Они исхлестали сознанье беззастѣнчивѣй розогъ.

Все плясало, схватившись съ неплясавшимъ за-руки,
Что то мимопадало, цѣловался дебошъ,
А кокотка вошла въ мою душу по контрамаркѣ
Не снявши, не снявши, не снявши кровавыхъ галошъ.

3.

Блѣднѣю, какъ истина на столбцахъ газеты,
А тоска обгрызаетъ у души моей ногти.
На катафалкѣ солнечнаго мотоциклета
Влетаю въ шантаны умирать въ рокотѣ.
У души искусанной кровяныя заусенцы
И тянетъ за больной лоскутокъ всякая.
Небо вытираетъ звѣздныя крошки полотенцомъ
И моторы взрываются, оглушительно квакая.
Прокусываю сердце свое собственное,
А толпа безстыдно распахиваетъ мой капотъ.
Бьюсь отчаянно, будто óбъ стѣну, я
О хмурыя перила чужихъ заботъ.
И каменные проборы расчесанныхъ улицъ
Подъ луною мѣняютъ брюнетную масть.
Наивно всовываю душу, какъ палецъ,
Судьбѣ ухмыльнувшейся въ громоздкую пасть.

4.

Кто-то на небѣ тарахтѣлъ звонкомъ и выскакивала
Звѣздная цифра. Вечеръ гонялся въ голубомъ далекѣ
За днемъ рыжеватымъ, и за черный пиджакъ его ловила полночь, играя луной въ бильбокэ.
Все затушевалось и стало хорошо потомъ.
Я пристально изучалъ хитрый крапъ
Дней неигранныхъ, и надъ витриннымъ шопотомъ
Городъ опрокинулъ изнуренный храпъ.
И совѣсть укорно твердила: Погибли съ нимъ—
И Вы и вскрывшій письмо судьбы!
Галлюцинація! Раскаянье изъ сердца выплеснемъ
Прямо въ морду землѣ, вставшей на дыбы.

Сдернуть, скажите, сплинъ съ кого?
Кому обѣщать гаерства, царства
И лѣкарства?
Надѣвъ на ногу сапогъ полуострова Аппенинскаго,
Угрюмо зашагаемъ къ довольно далекому Марсу.

5.

Мозгъ пустѣетъ, какъ коробка со спичками
Къ 12 ночи въ раздраженномъ кабакѣ. Я
Память сытую насильно пичкаю
Сладкими, глазированными личиками
И бью сегодняшній день, какъ лакея.
Надъ жутью и шатью въ кабинетѣ запечатанномъ,
Между паркетнымъ вальсомъ и канканомъ потолка,
Мечется отъ стрѣлъ электрочертей въ захватанномъ
И обтресканномъ капотѣ подвыпившая тоска.
Разливаетъ секунды, гирляндируетъ горечи,
Откупориваетъ отчаянье, суматошитъ окурки надеждъ.
Замусленныя чувства бьются въ корчахъ,
А икающая любовь подъ столомъ вездѣжитъ.

6.

На лунномъ аэро двá рулевыхъ.
Посмотрите, пьяная, нѣтъ ли тамъ мѣста намъ?!
Чахоточное небо въ млечныхъ путяхъ марлевыхъ
И присыпано ксероформомъ звѣзднымъ.
Зрачки кусающіе въ Ваше лицо полѣзли,
Руки шатнулись поступью дикою,
Всюдутъ морщинистыя страсти въ болѣзни,
Ожирѣвшія мысли двойнымъ подбородкомъ хихикаютъ.
По транспаранту привычки живу, вто-
рично сбѣгая съ балансирующаго ума,
И прячу изступленность, какъ въ муфту,
Въ облизывающіеся публичные дома.

7.

Снова одинокъ (Снова въ толпѣ съ ней).
Пугаю ночь широкобокими криками, какъ дѣти.
Надъ танцами экипажей прыгаютъ съ пѣсней
Негнущаяся ночь и одноглазый вѣтеръ.
Загорѣвшіе отъ холода городъ, дома и лысина небесная.
Вывѣсочная татуировка на небоскребной небритой щекѣ.
Мѣсяцъ огненною саламандрою вылѣзъ, но я
Свой обугленный зовъ крѣпко зажалъ въ кулакѣ.
Знаю, что въ спальнѣ, взятый у могилы на поруки,
На диванѣ „Рекордъ", ждетъ моихъ шатучихъ, завядшихъ губъ
Прищурившійся, остывшій и упругій,
Какъ поросенокъ подъ хрѣномъ, любовницы трупъ.

8.

Когда завтра трамвай вышмыгнетъ, какъ колоссальная ящерица,
Изъ за пыльныхъ обой особняковъ, изъ за бульварныхъ длиннотъ,
И отрѣжетъ мнѣ голову искуснѣе экономки,
Отрѣзающей кусокъ красномясой семги,—
Голова моя взглянетъ беззлобчивѣй сказочной падчерицы
И, зажмурясь, ринется въ сугробъ, какъ кротъ.
И въ каретѣ медленной медицинской помощи
Мое сердце въ огромный, пріемный покой отвезутъ.
Изъ глазъ моихъ выпорхнутъ двѣ канарейки,
На ихъ мѣсто лягутъ двѣ трехкопѣйки,
Вѣнки окружатъ меня, словно овощи,
А соусъ изъ сукровицы омоетъ самое вкусное изъ блюдъ.
Приходите тогда цѣловать отвращеньемъ и злобствуя!
Лейтесь изъ лейки любопытства, толпы людей,
Шатайте зрачки надъ застылью безстыдно!
Нюхайте сплетни! Я буду ехидно, безобидно,
Скрестяруко лежать, втихомолку свой фокусъ двоя,
И въ животѣ прожурчатъ остатки новыхъ идей.

9.

Это вы привязали мою оголенную душу къ дымовымъ
Хвостамъ фыркающихъ, озвѣрѣлыхъ, дикихъ моторовъ
И пустили ее волочиться по мостовымъ,
А изъ нее брызнула кровь черная, какъ торфъ.
Всплескивались скелеты лифта, кричали дверныя адажіо,
Изступленно переламывались колокольни, и надъ
Этимъ каменнымъ галопомъ желѣзобетонныя стоэтажія
Вскидывали къ крышамъ свой водосточный канатъ.
А душа волочилась и, какъ пилюли, глотало небо сѣлое
Звѣзды, и чавкали его исполосованныя молніями губы,
А дворники грязною метлою
Грубо и тупо
Чистили душѣ моей ржавые зубы.
Стоглазье трамвайное хохотало надъ прыткою
Пыткою,
И душа по булыжникамъ раздробила голову свою
И кровавыми нитками
Было выткано
Мое мѣткое имя по снѣговому шитью.

10.

Къ Вамъ несу мое сердце въ оберточной бумагѣ,
Сердце облысѣвшее отъ мимовольныхъ конвульсій,
Къ Вамъ, проспекты, гдѣ дома, какъ баки,
Гдѣ въ хрустномъ лаѣ трамвайной собаки
Сумракъ щупаетъ у алкоголиковъ пульсы.
Моторы щелкаютъ, какъ косточки на счетахъ,
И отплевываются, куря бензинъ,
А сумасбродныя сирены подкалываютъ воздухъ,
И подкрашенной бровью кричитъ магазинъ.
Улицы—ресторанные пропойцы и моты—
Расшвыряли загадки намековъ и цифръ,
А полночь—хозяйка—на тротуарные бутерброды
Густо намазываетъ дешевый ливеръ.

Жду, когда пыльную щеку тронутъ
Веревками грубыхъ солнечныхъ швабръ,
И зорко слушаю, какъ Дездемона,
Что красноболтаетъ городъ—мавръ.

11.

Въ разорванную глотку гордаго города,
Ввожу, какъ хирургическій инструментъ, мое предсмертіе.
Небоскребы нахлобучиваютъ крыши на морды.
Городъ корчится на иглахъ шума, какъ на вертелѣ.
Перелистываю улицы. Площадь кляксою дряхло-матовою
Расплывается. Теряю изъ портмонэ послѣднія слова.
Улицу прямую, какъ проборъ, раскалываетъ на-двое,
По стальнымъ знакамъ равенства скользящій трамвай.
По душѣ, вымощенной крупнымъ булыжникомъ,
Гдѣ выбоины глубокими язвами смотрятъ,
Страсти маршируютъ пò-двѣ и пò-три
Конвоемъ вкругъ любви шеромыжника.
А Вы, раздѣтая, раздаете безплатно
Прохожимъ
Рожамъ
Проспекты сердца, и
Вульгарною сотнею осьминоговъ захватана
Ваша откровенно-безстыдная лекція.
Оттачиваю упреки, какъ карандаши сломанные,
Чтобы ими хоть
Разрисовать затянутую въ гимназическую куртку злобу.
Изъ-за пляшущаго пѣтухомъ небоскреба,
Распавлинивъ копыта огромныя,
Рыжій день трясетъ свою иноходь.

12.

Послѣ незабудочныхъ разговоровъ съ угаромъ Икара,
Обрывая „Любитъ—не любитъ" у моей лихорадочной судьбы,
Вынимаю изъ сердца кусочки счастья, какъ папиросы изъ порт-
сигара,

И безалаберно ихъ раздаю толстымъ вскрикамъ толпы.
Душа только пепельница, полная окурковъ пепельница!
Такъ не суйте-жъ туда еще, и снова, и опять!
Пойду перелистывать и раздѣвать улицу—бездѣльницу
И переклички перекрестковъ съ хохотомъ цѣловать,
Мучить увядшую тучу, упавшую въ лужу,
Снимать желѣзныя панама съ истеричныхъ домовъ,
Готовить изъ плакатовъ вермишель на ужинъ
Для моихъ проголодавшихся и оборванныхъ зрачковъ,
Составлять каталоги секундъ, головъ и столѣтій,
А, напившись трезвымъ, перебрасывать день черезъ ночь,—
Только не смѣйте знакомить меня со смертью:
Она убила мою беззубую дочь.

13.

Секунда нетерпѣливо топнула сердцемъ и у меня изо
Рта выскочили хищныхъ аэроплановъ стада.
Спутайте рельсовыми канатами бѣлесоватые капризы,
Чтобы вѣчность стала однобока и всегда.
Чешу душу раскаяньемъ, глупое небо я внизъ тяну,
А вѣтеръ хлестко даетъ мнѣ по́-уху.
Позвольте проглотить, какъ устрицу, истину,
Взломанную, пищащую, мнѣ—озвѣрѣвшему олуху!
Столкнулись въ сердце двѣ женщины трамваями,
Съ грохотомъ терпкимъ перепутались въ кровь,
А когда испугъ и переполохъ оттаяли,
Изъ обломковъ, какъ ротъ безъ лица, завизжала любовь.
А я отъ любви оставилъ только корешокъ,
А остальное не то выбросилъ, не то сжегъ,
Отчего вы не понимаете! Жизнь варитъ мои поступки
Въ котлахъ для асфальта, и проходятъ минуты парой
Бударажутъ жижицу, намазываютъ на уступы и на уступки,
(На маленькіе уступы) лопатой разжевываютъ по тротуару.
Я все сочиняю, со мной не было ничего,
И минуты—такіе послушные подростки!
Это я самъ, акробатъ сердца своего,
Вскарабкался на рухающіе подмостки.

Шатайтесь, шатучія, шаткія шапки!
Топчите шаги, шевелите прокисшій стонъ!
Это жизнь суетъ меня въ безмолвіе папки,
А я изъ послѣднихъ силъ ползу сквозь картонъ.

14.

Зачѣмъ вы мнѣ говорили, что солнце сильно и грубо,
Что солнце угрюмое, что оно почти апашъ безъ штановъ..
Какъ вамъ не совѣстно? Я вчера видѣлъ, какъ борзого вѣтра
зубы
Вцѣпились въ ляшки ляскающихъ, матерыхъ облаковъ...
И солнце, дрогнувшее отъ холода на лысинѣ вершинъ,
Обнаружилось мнѣ такимъ жаленькимъ,
Маленькимъ
Ребенкомъ.
Я согрѣлъ его въ рукахъ и пронесъ по городу между шинъ,
Мимо домовъ въ испятнанныхъ вывѣсочныхъ пеленкахъ.
Я совсѣмъ забылъ, что гдѣ то
Люди просверливаютъ хирургическими поѣздами брюхо горныхъ
громадъ,
Что тротуары напыжились, какъ мускулы, у улицы-атлета,
Что несомнѣнно похожъ на купальню для звѣздъ закатъ.
Я несъ это крохотное солнечко, такое ужасно-хорошее,
Несъ исцѣловать его дружелюбно подмигивающую боль,
А городъ хлопнулъ о землю домами въ ладоши,
Стараясь насъ раздавить, какъ моль.
И солнце вытекло изъ моихъ рукъ, крикнуло и куда то ис-
чезло,
И когда я пришелъ въ зуболѣчебницу и сникъ,
Опустившись сквозь желтые іоды въ кресло,—
Небо завертѣло солнечный маховикъ
Между зубцовъ облаковъ, и десны
Обнажила ночь въ язвахъ фонарныхъ щелчковъ...
И вотъ я уже только бухгалтеръ считающій весны
На щелкающихъ счетахъ стѣнныхъ часовъ.
Почему же, когда все вечерне и чадно,
Полночь въ могилы подворотенъ тѣни хоронитъ
Такъ умѣло, что эти черненькія пятна

Юлятъ у нея въ рукахъ, а она ни одного не уронитъ.
Неужели же я такой глупый, неловкій, что одинъ
Не сумѣлъ въ плоскихъ ладоняхъ моей души удержать
Это масляное солнышко, промерзшее на бѣлой постели вер-
шинъ...
Надо будетъ завтра пойти и его опять
Отыскать.

15.

Я больше не могу тащить изъ душонки моей,
Какъ изъ кармана фокусника, вопли потаскухи:
Меня улица изжевала каменными зубами съ пломбами огней,
И дома изморщились, какъ груди старухи.
Со взмыленной пасти вздыбившейся ночи
Текутъ слюнями кровавыя брызги рекламъ.
А небо, какъ прессъ-папье, что было мочи
Прижалось къ походкамъ проскользнувшихъ дамъ.
Приметнулись моторы, чтобъ швырнуть мнѣ послушнѣй
Въ глаза осколки дыма и окурки гудковъ,
А секунды выпили доппинга и мчатся изъ міровой конюшни
Въ минуту со скоростью двадцати головъ.
Какъ на пишущей машинѣ стучитъ ужасъ зубами,
А жизнь меня ловитъ бурой отъ табака
Челюстью кабака...
Господа! Да вѣдь не могу-же я жить—поймите сами!—
Все время послѣ третьяго звонка.

16.

Прикрѣпилъ кнопками свою ярость къ столбу.
Эй, грамотные и неграмотные! Тычьте, чортъ возьми,
Корявые глаза въ жирные вскрики. Площадьми
И улицами я забрасываю жеманничающую судьбу!
Тратата! Тратата! Ура! Сто разъ: ура!
За здоровіе жизни! Поднимите лужи, какъ чаши, выше!
Это ничего, что гранитъ грязнѣе громкаго баккара,
Пустяки, что у насъ не шампанское, а вода съ крыши!

А вотъ мнѣ скучно, а я не сознаюсь никому и ни за что;
Я повѣсилъ мой плачъ обмохрившійся на висѣлицы книжекъ!
Я пляшу съ моторами въ желтомъ пальто,
А дома угрозятся на струсившихъ людишекъ.
Это мнѣ весело, а не вамъ! Это моя голова
Пробила брешь, а люди говорятъ, что это переулки;
И вотъ стали слова
Сочныя, и подрумяненныя, какъ булки?!
А вы только читаете стихи, стихеты, стишонки;
Да кидайте же замусленные памятники въ небоплѣшь!
Смотрите: мои маленькія мысли бѣгаютъ, задравъ рубашонки,
И шмыгаютъ трамваевъ межъ.
Вѣдь стихи это только рецензія на жизнь ругательная,
Жизне-литературный словарь! Бросимте охать!
Съ пригоршней моторовъ, возлѣ насъ сіятельная,
Обаятельная, антимечтательная, звательная похоть!
Да я и самъ отдамъ всѣ свои стихи, статьи и переводы,
За потертый воздухъ громыхающаго кабака,
За уличный салатъ яркооранжевой женской моды
И за то, чтобы хулиганы избили слово: тоска!

17.

Вы все грустнѣете,
Бормоча, что становитесь хуже,
Что даже лужѣ
Взглянуть въ глаза не смѣете.
А когда мимо Васъ, сквозь литые литавры шума,
Тэфъ-тэфъ прорывается, въ своемъ животѣ стеклянномъ протаскивая
Бифштексъ въ модномъ платьѣ, гарнированный сплетнями,
Вы, ласковая,
Глазами несовершеннолѣтними
Глядите, какъ тѣни пробуютъ улечься угрюмо
Подъ скамейки, на чердаки, за заборы,
Испуганныя кивкомъ луннаго семафора.
Не завидуйте легкому пару,
Надъ улицей и надъ полемъ вздыбившемуся тайкомъ!

Не смотрите, какъ надъ зеленымъ глазомъ бульвара
Брови тополей изогнулись торчкомъ.
Имъ скучно, варварски скучно, они при-смерти,
Какъ и пихты, впихнутыя въ воздухъ, измятый жарой.
На подстаканникѣ зубовъ усмѣшкой высмѣйте
Безкровную боль опухоли вечеровой.
А здѣсь, гдѣ по земному земно,
Гдѣ съ губъ проститутокъ каплями золотого сургуча каплетъ
злоба,—
Всѣмъ любовникамъ извѣстно давно
Что надъ поцѣлуями зыблется тлѣнiе гроба.
Вдоль тротуаровъ треплется скокъ-скокъ
Прыткой улиткой нелѣпо, свирѣпо
Потокъ,
Стекающiй изъ потныхъ бань, съ задворковъ, съ неба
По слѣпымъ кишкамъ водостоковъ вбокъ.
И все стремится обязательно внизъ,
Таща корки милосердiя и щепы построекъ;
Бухнетъ, пухнетъ, неловокъ и боекъ,
Потокъ, забывшiй крыши и карнизъ,
Не грустнѣйте, что становитесь хуже,
Ввинчивайте улыбку въ глаза лужи.
Всякiй потокъ, льющiйся вдоль городскихъ желобковъ,
Надъ собой, какъ знамя, несетъ запахъ заразнаго барака;
И долженъ по наклону, въ концѣ концовъ,
Непремѣнно упасть въ клоаку.

18.

Съ сѣвера прыгнулъ вѣтеръ изогнувшейся кошкой
И пощекоталъ комнату усами сквозняка...
Штопоромъ памяти откупориваю понемножку
Запыленные временемъ дни и вѣка.
Радостно, что блещетъ на торцовомъ жилетѣ
Цѣпочка трамвайнаго рельса, прободавшаго мракъ!
Радостно знать, что не слышатъ дѣти,
Какъ по шоссе времени дни разсыпаютъ свой шагъ!
Пусть далеко, по жиламъ рѣкъ, углубивъ ихъ,

Грузы, какъ пища, проходятъ въ желудокъ столицъ;
Пусть поѣздъ, какъ пестрая гусеница, дѣлая вывихъ,
Объѣдаетъ листья суевѣрій и небылицъ.
Знаю: мозгъ-моргъ и помнитъ
Что сжегъ онъ надежды, которыя могъ я сложить...
Сегодня сумракъ такъ ласково огромнитъ
Острое значеніе хрупкаго жить.
Жизнь! Милая! Старушка! Владѣтельница покосовъ,
Гдѣ коса смерти мелькаетъ ночи и дни!
Жизнь! Ты всюду разставила знаки вопросовъ,
На которыхъ вѣшаются друзья мои.
Это ты изрыла на лицѣ моемъ морщины,
Какъ слѣды могилъ, гдѣ юность схоронена!
Это тобой изъ сѣдинъ мужчины
Ткань савана сплетена!
Но не страшны твои траурныя монограммы,
Смерть не можетъ косою проволоку оборвать—
Знаю, что я важная телеграмма,
Которую міръ долженъ грядущему передать!

ВЪ СКЛАДКАХЪ ГОРОДА

4

1.

Толпа гудѣла, какъ трамвайная проволока,
И небо вогнуто, какъ абажуръ,
Луна просвѣчивала сквозь облако,
Какъ женская ножка сквозь модный ажуръ.
А въ заплеванномъ скверѣ, среди фейерверка
Зазывовъ и фразъ,
Экстазовъ и позъ,
Голая женщина скорбно померкла,
Вставъ на скамейку, въ перчаткахъ изъ розъ.
И толпа хихикала, въ смѣхѣ размѣнивая
Жестокую боль и упреки, а тамъ,
У ногъ, копошилась дѣвочка ультра-сиреневая,
И слезы, какъ рифмы, текли по щекамъ.
И, когда хотѣла женщина довѣрчивая
Изъ грудей отвислыхъ выжать молоко,
Кровь выступала, на тѣлѣ расчерчивая
Красный узоръ въ стилѣ рококо.

2.

Испуганная деревня быстро бѣжала,
Спотыкалась...
Безъ усталости,
Городъ весь въ черномъ, но слегка отрепанномъ,
Преслѣдовалъ ее, шепча комплименты.
Она убѣгала расторопно,
И развѣвались ленты
Предразсудковъ вѣчныхъ,
Остроконечныхъ,

Но слегка притупленныхъ...
Сладострастникъ—городъ влюбленно
Швырялъ, какъ фразы, автомобили,
Подкалывая тишину:
—О, если бы Вы полюбили
Трескъ, блескъ, звукъ, стукъ минутъ!
Деревня потеряла свою косынку—загородный паркъ!
...Становилось жарко...
Изъ за угла
Колокола
Наносили на палитру разноцвѣтнаго шума
Багровые блики звуковъ и знаковъ.
Вспыхивали лихорадочно и угрюмо
Лампочками витрины въ молокѣ мрака.
Господинъ городъ подмигнулъ кошелькомъ Фантаста
И мосты—гимнасты
Безмысленно повисли черезъ рѣки. Въ бреду
Взъерепенилась рѣка.
Черезъ віадукъ
Шелъ городъ; шаги просчитали вѣка.
Настигъ.
              Захватилъ.
                            Крикъ.
                                      Безъ силъ
Подчиняется деревня ласкамъ насильника,
Стонетъ средь ельника.
Время летитъ, какъ будто она на картечи,
                                                  На пулѣ...
Осень, зима, лѣто! Четъ! Нечетъ!
Въ гулѣ
Уснули
Стоны уставшей страдалки. Поникъ
Городъ, снимая свой электрическій воротникъ.
А потерянная косынка ситцевая
—(О, бѣдность загороднаго парка!)—
Отъ солнца жаркаго
                  Выцвѣла.
И только осень—шикарная портниха—
                  Лихо

Разузоритъ ее огнелистьями,
Отъ пыли и грязи
Очистивъ.
Развѣ
Не подарокъ
Найденный паркъ?
..Деревня дышитъ устало...
Настало
Время позорныхъ родовъ...
...Веснушенъ, большеголовъ
Родился ребенокъ. Торчали ушки.
..Онъ сразу запѣлъ частушки...

3.

Сердце отъ грусти кашнэ обвертываю,
На душу надѣваю скептическое пальто.
Въ столицѣ надъ улицей мертвою
Безстыдно кощунствуютъ авто.
Въ хрипахъ трамваевъ, въ моторномъ кашлѣ,
Въ торчащихъ вихрахъ небоскребныхъ трубъ
Пристально слышу, какъ секунды-монашки
Отпѣваютъ огромный разложившійся трупъ.
Шипитъ озлобленно каждый уголъ,
Трескъ, визгъ, лязгъ во всѣхъ переходахъ;
Захваченный пальцами электрическихъ пугалъ,
По городу тащится священный отдыхъ.
А вверху, какъ икрою кетовою,
Звѣздами небо ровно намазано.
Протоколы жизни разслѣдывая,
Смерть бормочетъ что-то безсвязно.

4.

Въ переулкахъ шумящихъ мы бредимъ и бродимъ.
Перебои мотора заливаютъ площадь.
Какъ по битому стеклу—душа по острымъ мелодіямъ
Своего сочиненія гуляетъ, тощая.
Вспоминанья встаютъ, какъ дрожжи; какъ дрожжи,

Разрыхляютъ душу, сбившуюся въ темпѣ.
Судьба нерочинымъ, заржавленнымъ ножикомъ
Вырѣзаетъ на сердцѣ пошловатый штемпель.
Улыбаюсь брюнеткамъ, блондинкамъ, шатенкамъ,
Виртуожу негритянскія фабулы.
Увы! Остановиться не на комъ
Душѣ, которая насквозь ослабла!
Жизнь загримирована фактическими бреднями,
А, впрочемъ, она и безъ грима вылитый фавнъ.
Видали Вы, какъ фонарь на столбѣ повѣсился медленно,
Обернутый въ электрическій саванъ.

5.

Фонарь умиралъ задушенный дряблыми мускулами
Вечерней сырости, свое лицо обезображивая.
Трамваи прокалывали воздухъ тупыми музыками,
Фальшивя въ каждомъ адажіо.
Въ кинемо! Въ кинемо! Въ залѣ смотрѣли мы
Секунды остановленныя снимкомъ для вѣчнаго.
Бра тусклѣли, какъ слѣпого бѣльма,
И время прошмыгнуло незамѣченное.
Ужасъ трагическій, краснобенгальскій
Сердца освѣщалъ, а когда мы вышли,
Въ фойе колыхавшемся мы услышали,
Какъ воздухъ кружился въ замусленномъ вальсѣ.
Подъ скучное небо... Хмуро, пасмурно.
Ночь разбита луною до́-крови.
Расползается туша рыхлаго насморка.
Щупальцы толпы спрутятъ въ кинемато́графѣ.

6.

Благовѣстъ кувырнулся басовыми гроздьями,
Будто лунатики, побрели звуки тоненькіе.
Небо старое, обрюзгшее, съ просѣдью,
Угрюмо глядѣло на земныя хроники.
Вы меня испугали взглядомъ растрепаннымъ,
Говорившимъ: Маски и Пасха.

Укушенный взоромъ неистово-злобнымъ,
Я вытеръ душу отъ радости нá-сухо.
Вѣтеръ взметалъ съ неосторожной улицы
Пыль, какъ пудру съ лица кокотки.
Не хочу прогуливаться!
Тоска подбирается осторожнѣе жулика,
Съ небоскребовъ свисаютъ отсырѣвшія бородки.
Звуки переполненные палаютъ навзничь, но я
Испуганно держусь за юбку судьбы.
Авто прорываютъ секунды праздничныя.
Трамваи дико встаютъ на дыбы.

7.

Магазины обнажаютъ въ обсвѣтѣ газовомъ
Гнойныя витрины изъ подъ лохмотьевъ вывѣски.
Промелькнули взгляды по алмазнымъ язвамъ.
Въ груду авто вмѣшалась карета отъ Иверской.
Подкрашенныя запятыя на лицахъ колышатся.
Ставятъ точки надъ страстью глаза фривольные.
На тротуарахъ шевелятся огромныя мышцы
То напряженныя, то обезволенныя.
Прыскаютъ готикой тощія ощупи.
Физіономію рѣчи до крови разбилъ арго.
Два трамвая, столкнувшіеся на площади,
Какъ два танцора въ сумасшедшемъ танго.

8.

Фонарѣютъ конфузливо недоразумѣнія газовыя.
Эй! Котелокъ, панама и клакъ!
Неужели не понимаете сразу Вы,
Что сегодня на сердцѣ обрадовался аншлагъ.
Осторожнѣй! Не прислоняйтесь къ душѣ выкрашенной!
Слѣды придется покрывать снова лакомъ!
Дьяволомъ изъ подъ черепа шумы выброшены
И они полетѣли, звеня по проволокамъ.
Буквы спрыгиваютъ съ афишъ на землю жонглерами
И акробатами влѣзаютъ въ разбухшіе зрачки.

Душа, трамваями разорванная, въ ксероформѣ
Слѣдитъ, какъ счастье на роликахъ выдѣлываетъ скачки.
Такъ прищемите же руками мой день шатучій, какъ
Палецъ ребенка въ дверяхъ вы, милосердіе!
Отворяю вѣчность поддѣланнымъ ключикомъ
И на немъ корчусь, какъ на вертелѣ.

9.

Прохожіе липнутъ мухами къ клейкимъ
Витринамъ, гдѣ митингъ ботинокъ,
И не надоѣстъ подъѣзднымъ лейкамъ
Выцѣживать зѣвакъ въ воздухъ густой, какъ цинкъ.
Недоразумѣнія, какъ параллели, сошлись и разбухли,
Чахотка въ нервахъ подергивающихся проводовъ.
Я самъ не понимаю: у небоскребовъ изо рта ли, изъ уха ли
Выпираются шероховатые почерки дымныхъ клубковъ.
Вспѣнье трамваевъ изъ за угла отвратительнѣй,
Чѣмъ выстуканная на Ремингтонѣ любовная записка,
А беременная женщина на площади животъ пронзительный
Вываливаетъ на неуклюжія руки толпящагося писка.
Кинемо окровянили свои беззубыя пасти, не рты, а пасти,
И глотаютъ дверьми, окнами, рамами зазѣвавшихся всѣхъ,
А я вижу чулокъ моего далеко не оконченнаго счастья,
Какъ то неловко на трамвайныя рельсы сѣвъ.

10. Константину Большакову.

...А завтра едва ли зайдетъ за Вами.
К. Большаковъ.

Сердце вспотѣло, трясетъ двойнымъ подбородкомъ и
Кидаетъ тяжелые пульсы разсѣяннно по сторонамъ.
На проспектѣ, изжеванномъ поступью и походками,
Чьи то острые глаза бритвятъ по моимъ щекамъ.
Пусть завтра не придетъ и пропищитъ оно
Въ телефонъ, что не можетъ пріѣхать и
Что дни мои до итога бездѣльниками сосчитаны,

Й будетъ говорить что то долго и нехотя.
А я не повѣрю и пристыжу: „Глупое, глупое, глупое!
Я сегодня ночью придумалъ новую арифметику,
А прежняя не годится; я балансъ перещупаю,
А итогъ на языкъ попробую, какъ рѣдьку“.
И завтра испугается, честное слово, испугается,
Заѣдетъ за мною въ авто взятомъ на прокатъ,
На мою душу покосившуюся, какъ глаза у китайца,
Насадитъ зазывный трехаршинный плакатъ.
И плюнетъ мнѣ въ рожу фразой, что въ млечномъ
Кабинетѣ опять звѣздныя крысы забѣгали,
А я солнечнымъ шаромъ въ кегельбанѣ внѣвѣчномъ
Буду съ пьяными вышибать дни, какъ кегли.
И во всегда пролѣзу, какъ шаръ въ лузу,
И мысли на конверты всѣхъ вѣковъ наклею,
А время, мой капельдинеръ кривой и кургузый,
Будетъ каждое утро чистить вѣчность мою.
Не вѣрите—не вѣрьте!
Обнимите сомнѣніями мускулистый вопросъ!
А я зазнавшейся выскочкѣ-смерти
Утру безъ платка крючковатый носъ.

II.

Маленькіе люди пронумеровывали по блудячимъ полкамъ
Шатающуюся суматоху моторнаго свербежа,
А городъ причудливый, какъ капризъ беременной, иголкой
Всунулъ въ суету сутулый изломъ кривого мятежа.
И въ подпрыгнувшіе небоскребы швырнулъ болюче
Огромный скокъ безбокихъ лошадей,
Перекличкой рекламъ оглушилъ замерзающихъ чучелъ
И прессомъ пассажей прижалъ трескъ и взвизгъ площадей.
Вспотѣвшій трудъ текъ по водостокамъ, взвывая
Дома накренялись въ хронику газетъ впопыхахъ,
И, шурша, копошились шепелявые трамваи
Огненными глистами въ уличныхъ кишкахъ.

12.

Церковь за оградой осторожно привстала на цыпочки,
А двухэтажный флигель присѣлъ за брандмауэръ впопыхахъ.
Я весь трамваями и моторами выпачканъ.
Гдѣ-гдѣ дождѣетъ на всѣхъ парахъ.
Крутень винопьющихъ за отгородкой стекольной.
Сквозь витрины укуситъ мой вскрикъ ваши уши,
Вы заторопите шаги, затрясетесь походкой алкогольной,
Какъ гальванизированная лягуша.
А у прохожихъ автомобильное выраженье. До-нельзя
Обваливается штукатурка съ души моей,
И взметнулся моего голоса шмель, за-
дѣвая за провода сердецъ все испуганнѣй и гудѣй.
Заводской трубой вычернившееся небо пробило,
Засеменили вело еженочный волторнопассажъ,
И луна ошалѣлая, раскаленная до́-бѣла,
Завопила, пробѣгая беззвѣздный виражъ.
Бухнули губы безтолковыхъ часовъ,
Боднувъ пространство, разорвали рты.
На сердцѣ желѣзнулъ навѣчный засовъ,
А въ небо взлетѣли перекрестковъ кресты.
Все тукало, звукало, звякало, тряскало,
Я въ кори сплётенъ сплетенъ со всѣмъ,
Что посторонне, что юнѣло и ляскало.
Эй, знаете: постарѣвшая весна высохла совсѣмъ.
Пусть же шаркаютъ по снѣгу моторы. Некстати лѣ-
зетъ взглядомъ изъ язвъ застекленныхъ за любовниками мужъ,
А я всѣмъ разскажу о пьяной матери,
Пляшущей съ моторами среди забагровѣвшихъ лужъ.

13.

Городъ выкинулъ сотни неприличныхъ жестовъ и выкликовъ,
Оскалилъ побурѣвшіе, нечищенные фонари;
Сквозь засморкавшійся дождь мы привыкли ко
Всему, а вечеръ разбилъ пузырекъ іодоватой зари.
Долговязый лифтъ звонкалъ, какъ щелкъ пальцевъ скелета,

Шепотливый моторъ въѣхалъ въ беззубое площадей,
Надъ перепрыгомъ веló, въ безтолковой тоскѣ лѣта,
Душа раздула заросшія складки ноздрей.
Небоскребъ навалился каменной крутью и тушей
На спину, я отбрякнулся и въ страхѣ осѣдлалъ трамвай,
И онъ закусилъ губу, надставилъ металльныя уши
И понесъ меня сквозь ночной каравай.
Разбивайте скрижали и кусками скрижалей
Выкладывайте въ уборныхъ на площадяхъ полы.
Смотрите: насъ всѣхъ кто-то щипцами зажали,
Мы смрадимъ, дымимъ и пахнемъ ѣдью смолы.
Сквозь насъ—дома, улицы, переулки... На лифтѣ
Взлетайте на небо, гдѣ погасъ шумъ и газъ!
Счастливьтесь, счастливьтесь и насъ счастливьте!
Бросьте внизъ на насъ,
Выручку звѣздныхъ кассъ
Шейте изъ облаковъ сорочки безсвязно,
На аршины продается лунная бахрома!
Сверху косматый городъ кажется только грязной
Скатертью, гдѣ крошками набросаны дома.

14.

Прямо въ небо качнулъ я вскрикъ свой,
Вскрикъ сердца, которое въ кровоподтекахъ и въ синякахъ.
Сквозь меня мотоциклы проходятъ какъ лучи иксовые,
И площадь таращитъ пассажи на моихъ щекахъ.
Переулки выкидываютъ изъ мголъ пригоршнями
Одутловатыхъ дромадеровъ, звенящихъ вперебой,
А навстрѣчу имъ улицы ерзаютъ поршнями
И толкаютъ мою душу, пережаренную зазѣвавшейся судьбой.
Небоскребъ выставляетъ свой животъ обвислый,
Топокопытитъ по рельсамъ трамвай свой массивный скокъ,
А у барьера крышъ, сквозь рекламныя буквы и числа,
Хохочетъ кроваво электрическій электротокъ.
Выходятъ изъ могилъ освѣщенныхъ автомобили
И, осклабясь, какъ индюкъ, харей смѣшной,
Они вдругъ тяжелыми колокольнями забили
По барабану моей перепонки ушной.
Рветъ крыши съ домовъ. Негритянно чернѣетъ. Попарно

Врываются кабаки въ мой охрипшій лобъ,
А прямо въ пухлое небо, безгудочно, безфонарно,
Громкающій паровозъ врѣзалъ свой стальной галопъ.

15.

Такъ ползите ко мнѣ по зигзагистымъ переулкамъ мозга,
Всверлите мнѣ въ сердце штопоры зрачковъ чопорныхъ и густыхъ,
А я развѣшу мои слова, какъ рекламы, невѣроятно плоско
На верткіе столбы интонацій скабрезныхъ и простыхъ.
Шлите въ распечатанномъ ртѣ поцѣлуи и бутерброды,
Пусть зазывитъ верниссажъ запыленныхъ глазъ,
А я, хромой на канатѣ, ударю канатомъ зѣвоты,
Какъ на аренѣ пони, Васъ, Васъ, Васъ.
Изъ Вашихъ поцѣлуевъ и изъ ласкъ протертыхъ
Я въ полоску сошью себѣ огромный плащъ
И пойду кипятить въ стоэтажныхъ ретортахъ
Перекиси страсти и докуренный плачъ.
Въ оголенное небо всуну упреки,
Зацѣпивъ ихъ за тучи, и, сломанный самъ,
Переломаю моторамъ распухшія отъ водянки ноги
И пусть по тротуару проскачетъ трамъ.
А городъ захрюкаетъ изъ каменнаго стула,
Мнѣ броситъ плевки газовыхъ фонарей
И изъ подъѣздовъ заструятся на рельсы гула
Двугорбыя женщины и писки порочныхъ дѣтей.
И я, заложившій междометія наглости и крики
Въ ломбардѣ времени, въ пылающей кладовой,
Выстираю надежды и контуженные миги,
Глядя, какъ городъ подстригъ мой
Миговой
Вой.

16.

Улица декольтированная въ снѣжномъ балетѣ.
Забеременѣли огнями животы витринъ.
У меня изъ ушей выползаютъ маленькія дѣти,
А съ крышъ обвисаютъ жирныя икры балеринъ.

Все прошлое возвращается на бумерангѣ.
Дни въ шеренгѣ дѣлаютъ на-караулъ. Ки-
вая головой, надѣваю мѣшковатый комодъ на-ноги
И шопотомъ бѣгаю въ причесывающемся переулкѣ·
Мнѣ тоже хочется надѣть необъятное
Пенснэ, тянущее съ вывѣски черезъ улицу вздрогъ,
Оскалить свой крякнувшій взглядъ, но я
Флегматично кушаю снѣжный творогъ.
А рекламныя пошлости кажутъ сторожіе
Съ этажей и пассажей, вдругъ обезволясь;
Я кричу исключительно, и капаютъ прохожіе
Изъ подъѣздовъ гноемъ на тротуарную скользь.
Такъ пойдемте же тыкать расплюснутыя морды
Въ шатучую манну и въ завтрашнее нельзя,
Давайте сыпать глаза за декольтэ похабнаго города,
Шальными руками по юбкамъ желѣзнымъ скользя.

17.

Я не буду Васъ компрометировать дешевыми объѣдками цвѣ-
точными,
А изъ уличныхъ тротуаровъ сошью Вамъ платье,
Перетяну Вашу талію мостами прочными,
А эгретомъ будетъ труба на желѣзномъ канатѣ.
Электричествомъ вытку Вашу походку и улыбку,
Вверну въ Ваши слова лампы въ 120 свѣчъ,
А въ глазахъ пусть заплещутся чувственныя рыбки
И рекламы скользнутъ съ провалившихся плечъ.
А городъ въ зимнемъ бѣломъ трико захохочетъ
И броситъ Вамъ въ спину куски ресторанныхъ меню,
И во рту моемъ закопошатся ломти непрожеванной ночи,
И я каракатицей по Вашимъ губамъ просеменю.
А Вы, нанизывая витрины на пальцы,
Обнаглѣвшихъ трамваевъ двухэтажные звонки
Перецѣлуете, глядя, какъ валятся, валятся, валятся
Бѣшенныя секунды въ наксероформленные зрачки.
И когда я, обезумѣвшій, начну прижиматься
Къ горящимъ грудямъ бульварныхъ особняковъ,

Когда мертвое время, съ косымъ глазомъ китайца,
Проконглируетъ стрѣлками башенныхъ часовъ,
Вы ничего не поймете, коллекціонеры жира,
Статисты страсти, въ шкатулкѣ корельскихъ душъ
Хранящіе прогнившую истину хромоногаго міра,
А не бравурный, бульварный, душный тушъ.
Такъ спрячьте жъ спеленутыя сердца въ гардеробы,
Пронафталиньте Ваше хихиканье и прокисшій стонъ,
А я Вамъ брошу съ крыши небоскреба
Ваши зашнурованныя привычки, какъ пару дохлыхъ воронъ.

18. С. М. Третьякову.

Покой косолапъ, нелѣпъ, громоздокъ.
Сквозь стекло читаю безсфинксовъ луннаго конспекта.
Телефонъ покрылъ звонкою сыпью комнатный воздухъ.
Выбѣгаю, и моимъ дыханьемъ жонглируютъ факты проспекта.
Пѣшеходя, перелистываю улицу и ужасъ,
А съ сосѣдняго тротуара, сквозь быстрь авто,
Наскакиваетъ на меня, топорщась и неуклюжась,
Напыжившійся небоскребъ въ афишно-пестромъ пальто.
Вѣрю я артиллеріи артерій, и аллегоріямъ, и аріямъ.
Съ уличной палитры лѣзу
На голый зовъ
Митральезы
Голосовъ
И распрыгавшихся въ Красныхъ Шапочкахъ языковъ. Я
Отчаянье и боли на тротуарѣ ѣмъ.
Истекаю кровью
На трапеціи эмоцій и инерцій
Превращая финальную ноту въ бравурное интермеццо.

19.

Болтливые моторы пробормотали быстро, и на
Опущенную челюсть трамвая, прогрохотавшую по глянцу торца,
Попался шумъ несуразный, однобокій, неуклюже-выстроенный
И вечеръ взглянулъ кошмаромъ хитрѣй, чѣмъ глазъ мертвеца.

Раскрывались, какъ раны, рамы электро, и
Оттуда сочились гнойныя массы изабелловыхъ дамъ;
Разогрѣвали душу газетными сенсаціями нѣкоторыя,
А другія спрягали любовь по всѣмъ падежамъ и родамъ.
А когда городъ началъ крениться на́-бокъ и
Побѣжалъ по крышамъ обваливающихся домовъ,
Когда фонари сервировали газовыя яблоки
Надъ компотомъ мыслей, шарадъ и словъ,
Когда я увлекся этимъ бѣшеннымъ макао, самъ
Подтасовывая факты крапленныхъ колодъ,
Надъ чавкающимъ, пережевывающимъ мгновенія хаосомъ
Вы возникли, проливая изъ сердца іодъ.

20.

Вотъ тамъ направо, гдѣ въ потрепанный вѣтеръ окунулась су-
туло
Изстонавшая вывѣска табака, гильзъ и папиросъ,
Вотъ тамъ налѣво, гдѣ закусили заводскія трубы гнилыми зу-
бами гула
Совершенно плоскій горизонтъ, весь въ язвахъ молній-занозъ —
Тамъ ночь, переваливаясь и культяпая, заковыляла, растекаясь
а скрипачъ
Выпиливаетъ пѣсни на струнахъ телеграфа, въ чердаки покаш-
ливая...
Это я,—срѣзавшій съ моего сердца горбъ, горбачъ—
Иду заулыбаться щелями рѣсницъ неряшливо.
Улица бьется гудками ощупью, тоще, мнѣ о́-щеку,
Размазываетъ слюни по тротуару помѣшанный дождь...
Такъ отчаянно приказать извощику,
Чтобы взвихрилъ меня съ мостовой
На восьмой
Этажъ извощъ.
И тамъ, гдѣ въ рабочемъ лежитъ, въ папкѣ,
Любовь, пересыпанная письмами, какъ нафталиномъ,—
Все выволочь въ пере́улки, туда, гдѣ въ ночной охапкѣ
Фонари цѣловались нервно электричествомъ и тупо керосиномъ!
Господа-собивштексники! Надъ выпирающей изъ мостовой тру-
бою грыжи,

Надъ лапками усѣвшихся водосточныхъ стрекозъ,
Гдѣ надъ покатистой пасмурью взбугрившейся крыши
Зонтъ кудряваго дыма возросъ—
Еще выше подъ скатерью медвѣжьихъ безснѣжій,
Еще выше узналъ я, грубоглазый поэтъ,
Что тамъ только глыбы воздуха рѣже,
А бѣлыхъ вскрыленныхъ тамъ не было и нѣтъ;
И, небо, гнусно румянясь, прожжено рекламой,
Брошенной наугадъ электрическимъ стрѣлкомъ изъ города.
И потому, что я самый,
Самый свой—мнѣ отчаянно-молодо.

21.

Мое сердце звенитъ бубенчиками, какъ пони
Въ красной попонѣ—
Hip, hip!—перебирая пульсами по барьеру цирка и
Фыркая.
По спирали вальса, по ступенькамъ венгерки, мысли—акробаты
Влѣзли подъ куполъ черепа и качаются снизу вверхъ,
А лампы моихъ глазъ швыряютъ яростно горбатый
Высверкъ.
Атлетами сплелись артеріи и вены,
И мускулами набухаетъ кровь моя въ нихъ.
Толпитесь, любимыя, надъ желтью арены,
Подбоченьте осанку душъ своихъ!
И когда все беззвучно потухнетъ и кинется въ тѣни,
Обѣщаю, что на лаѣ рекламъ, обнажающихъ острые огни,
Въ знакъ того, что кончено представленіе,
Тяжелый слонъ полночи обрушитъ свои ступни.

22.

Ночь огромнымъ моржомъ навалилась на простыни заката,
Ощетинилась, злобясь, колючими усами фонарныхъ дугъ,
И проходящая женщина свои глазища, какъ двухцвѣтныя заплаты,
Распластала на внезапно-буркнувшій моторный звукъ.
А тамъ, гдѣ неслись плывью растерянной

Пароходныя трубы мужскихъ цилиндровъ среди волнныхъ шляпъ,
Кто-то краснорѣчивилъ, какъ присяжный повѣренный,
И принималъ пожатья безперчаточныхъ лапъ.
А облако слизнуло пищащую устрицей луну влажную
И успѣло за пазуху два десятка свѣжихъ звѣздъ положить,
Улицы вступили между собой въ рукопашную
И даже этажи кричали, что не могутъ такъ больше жить...
Револьверъ вокзаловъ стрѣлялъ поѣздами,
Каркали кладбища, исчернивъ колокольный шпицъ,
А окно магазина отлакировало поясъ дамѣ,
Заставивъ ее заключить глаза въ скобки рѣсницъ.
И городъ гудѣлъ огромной рекламой, укутавъ
Свои легкія въ колоссальный машинный припѣвъ,
И надъ облупленной многоножкой пѣшеходившихъ труповъ
Властительнымъ волкомъ вертѣлся тэфъ-тэфъ.

23.

Разорвалъ глупое солнце на клочья и наклеилъ желтыя бумажки
Глумливо на вывѣски пивныхъ, на магазинныя стекла, и строго
На мосты перекинувшіеся, какъ подтяжки,
А у меня осталось еще обрывковъ много,
Сотни, тысячи клочій; я ихъ насовалъ повсюду, съ шутками и безъ шутокъ
Глыбами, комьями, кусочками, дробью, пылью,
На звонки трамвайные, на очки автомобильи,
Накидалъ на обрызганныя ласками паспорта проститутокъ;
И проститутки стали добрыми и......, какъ въ ящикъ почтовый,
Я бросалъ моихъ желаній и страстей одногорбый караванъ,
А городъ вскинулся огромный, слоновій, къ дракѣ готовый,
И небо задребезжало, какъ раненый стаканъ.
Улицамъ было необходимо заколоть растрепанныя пряди переулковъ
Шпильками особняковъ и воткнуть желтой гребенкой магазинъ—
И площадь бросила, какъ сотню перековерканныхъ, смятыхъ окурковъ,
Изъ за каждаго угла фыркъ и сморкъ пополнѣвшихъ шинъ.
А когда рыжее утро, какъ ласковый отчимъ,

Вытолкнуло въ шею мачеху-ночь,
И мгла какъ-то неувѣренно, между прочимъ,
Швырнулась въ подворотни на задніе дворы изнемочь,
А въ широкую ноздрю окраски предутренней
Пьяницы протащили выкатившійся зрачокъ,—
Я, подарчивый, взметнулъ въ сонливаго моржа звона заутрени
Оставшагося солнечка послѣдній, малюсенькій клочокъ.

24.

Воздухъ, пропитанный камнемъ и желѣзомъ, выросъ крѣпче и
массивнѣй.
Онъ схватилъ изъ подъ мотора гири гудковъ литыхъ,
Поднялъ ихъ и понесъ, и обязательно хотѣлъ утопить ихъ бивни
Въ фыркающихъ бассейнахъ ушей моихъ.
А городъ чавкалъ, оскаливъ крабье
Щетинистое лицо мостовыхъ, вымытыхъ въ рвотѣ фонарей со
столбовъ,
И подмигивалъ вывѣсками, сумасшедше ослабивъ
Желтозеленые, неоперившіеся рты пивныхъ и кабаковъ...
А воздухъ не донесъ до бассейновъ гири гуловъ и жести,
Запутавшись въ витринахъ, нажравшись сыпью огней.
И дома нервничали, въ строегипетскомъ жестѣ,
Къ землѣ пригнувъ водостоки натянутѣй и больнѣй.
А я вазелиномъ сна смягчилъ моихъ щекъ вазы,
Обсѣверенныя избезумѣвшейся лихорадкой кинема́;
Обнимаю трамваи, игристый и грубоглазый,
И приглашаю къ чехарду поиграть дома.
А міръ укоризненно развалилъ свое вспотѣвшее тѣло
Въ диванахъ городовъ и дрожитъ, мчась въ авто,
Какъ будто такъ и надо, какъ будто это мое дѣло
Терпѣливо считать заплаты его пальто.

25.

Ночь бросила черный шопотъ изъ подъ выцвѣтшихъ усовъ фо-
нарныхъ свѣтовъ,
Запрыгала засаленнымъ звѣркомъ по пнямъ обвалившихся особ-
няковъ,

И по лужамъ (штемпелямъ весны) забродили души поэтовъ,
Пересыпанныя трупьемъ обмохрившихся вѣковъ.
Я, конечно, говорю, что все надо въ порядкѣ, что перчатки
Съ вывѣсокъ нельзя надѣвать на ноги, какъ ажурные чулки,
И ядреный пульсъ городской лихорадки
(Звонки трамвая) щупаю, какъ докторъ, сквозь очки.
Но это я говорю только для старыхъ и шершавыхъ,
А у меня самого на губахъ сигналъ женскихъ грудей,
И мои кости перессорились въ своихъ суставахъ,
Какъ въ одной кроваткѣ пара дѣтей.
И тамъ, гдѣ пароходы швырялись зрачкомъ
На податливыя тѣла изнаглѣвшей пристани,
Гдѣ каждое платье глядѣло вспотѣвшимъ трудомъ
На то, какъ прибрежья приторно присвистывали,—
Я совершенно случайно взмахнулъ, какъ флагомъ,
Праздничнымъ флагомъ, моей развернутой душой,
И переулки немедленно затормошились мускулистымъ шагомъ,
И я вдругъ сталъ огромнѣй колокольни большой.
Вѣдь если міръ и самъ не понимаетъ, какъ онъ наивенъ,
Какъ ему къ лицу суматохи канатъ,
Протянутый сквозь гулы гудящихъ желѣзопрядиленъ,
И надъ пожарами, какъ эхо пожаровъ, набатъ,—
Мнѣ все это удивительно ясно, просто, понятно,
Честное слово, даже не можетъ быть ничего простѣй,
А то, что у моего сердца на щекахъ топорщатся пятна,
Такъ это крики не чахотки, а радости моей.

26.

Домъ на домъ вскочилъ и улица переулками смутилась,
По каналамъ привычекъ, вспѣнясь, забурлила вода,
А маленькое небо сквозь бѣлье облаковъ загорячилось
Бормотливымъ дождемъ на пошатнувшіеся города.
Мы перелистывали тротуары выпуклой походкой,
Выращивая тѣни въ одну секунду, какъ факиръ...
Сквернословилъ и плакалъ у стакана съ водкой,
Обнимая женщинъ, захмелѣвшій міръ.
Онъ донесъ до трактира только лохмотья зѣвоты,

Рельсами обмоталъ усталую боль головы;
А если мои глаза—только два похабныхъ анекдота,
Такъ зачѣмъ такъ внимательно ихъ слушаете вы?
А изъ мѣдныхъ гильзъ моихъ взрывныхъ стиховъ
Коническая пуля усмѣшки выглядываетъ дико,
И прыгаютъ по городу брыкливые табуны домовъ,
Осѣдлывая другъ друга басовымъ крикомъ.

27.

Руки хлесткаго вѣтра протиснулись сквозь вечеръ мохнатый
И измяли физіономію моря, пудрящагося у береговъ;
И кто-то удочку молній, блеснувшую электрическимъ скатомъ,
Неловко запуталъ въ карягахъ самыхъ высокихъ домовъ.
У небоскребовъ чмокали изступленныя форточки,
Изъ взрѣзанной мостовой выползали кишки трубъ,
На набережной жерла пушекъ присѣли на корточки,
Выплевывая карамелью ядра изъ толстыхъ губъ.
Прибрежія раздули ноздри-пещеры,
У земли разливалась желчь потоками лавы,
И куда-то спѣшили запыхавшіеся дромадеры
Горныхъ хребтовъ громадной оравой.
А когда у земли изъ головы выпадалъ человѣкъ,
Какъ длинный волосъ, блестящимъ сальцемъ,—
Земля укоризненно къ небу устремляла Казбекъ,
Словно грозя указательнымъ пальцемъ.

28.

Надъ гнѣвнымъ лицомъ бульваровъ осеннѣвшихъ
Вскинуты веревочной лѣстницей трамвайныя молніи гулко,
И стая райскихъ пичужекъ, на огненныя зерна витринъ прилетѣвшихъ,
Запуталась бѣшено въ проволокѣ переулковъ,
И въ желѣзно-раскиданномъ городомъ блескѣ
Море вздыбило кулаки разъяренныхъ валовъ,
И сморщенное небо въ облачно-красной фескѣ
Оперлось на упругіе дымы фабричныхъ клыковъ.

И небо расточало ураганы, какъ пинки свирѣпые,
Сбривая зеленую бороду провинцій быстротой,
А солнце скакало смѣшно и нелѣпо,
Нагло покрикивая, какъ наѣздникъ цирковой.
И въ этомъ дзеньканіи сквозь гребни смѣха,
Гдѣ бросали въ тунели поѣзда электрической тройкою взглядъ
—Звуки строющихся небоскребовъ—это гулкое эхо
Міра, шагающаго куда то наугадъ.

29.

Вѣжливый вѣтеръ схватилъ верткую талію пыли,
Въ сумасшедшемъ галопѣ прыгая черезъ бугры.
У простуженной равнины на скошенномъ рылѣ
Вздулся огромный флюсъ горы.
Громоздкую фабрику года исцарапали,
Люди перевязали ее бинтами лѣсовъ,
А на плѣши вспотѣвшаго неба проступили капли
Маленькихъ звѣзденятъ, не обтертыя платкомъ облаковъ.
Крылья мельницъ воздухъ косили безъ паузъ,
Въ наморданкѣ плотинъ бушевала рѣка,
И деревня отъ города бѣжала, какъ страусъ,
Запрятавши голову въ шерсть тростника.
А городъ приближался длиннорукій, длинноусый,
Смазывающій машины кровью и ругней,
И высокія церкви гордились знаками плюса
Между раненымъ небомъ и потертой землей.

30.

Безгрудой негритянкой прокинулись черныя пашни, веснѣя,
Сквозь женскіе зрачки, привинченные у оконнаго стекла,
И пляшущая дробь колесъ, набухая и яснѣя,
По линолеуму коридора и по купэ протекла.
А юркая судорога вѣтра зашевелила шершаво
Сѣдыя пряди березъ надъ горизонтнымъ лбомъ,
И изъ прически выскакивалъ, съ крикомъ „браво“,
Зеленой блохою листъ за листомъ.

И огромной заплатой на рваной пазухѣ поля
Въ солнце вонзился вертикальный плакатъ папиросъ,
И кисть рѣчной руки, изнемогшая въ боли коликъ,
Запуталась въ бородѣ изгибистыхъ лозъ.
А въ женщинѣ, какъ въ поѣздѣ, дремали крылья апашки,
Полдень обшарилъ ея браслетные часы,
И локомотивъ, подходя къ перрону, разсыпалъ свистковъ мурашки
И воткнулъ поверхъ шпалъ паровые усы.

31 и С. Г.

Сгорбленное небо поджало губы и безъ смѣха, безъ шутокъ,
Обшарило міръ черными перчатками сердитыхъ ночей,
А трамвай занозилъ свой набитый желудокъ
Десяткомъ угрюмыхъ, спѣшащихъ людей.
Мягкимъ матрацемъ развалилась ночь-усталка
И обмуслила лунной слизью ораву домовъ,
Которымъ сегодня особенно жалко
Забыть удары изступленныхъ молотковъ.
Въ загородномъ паркѣ сумракъ вынулъ свой плотничій рѣзакъ,
Чтобы сгладить шероховатые абрисы ели.
Я слышу, какъ щелкаетъ внутри меня мѣрный Кодакъ,
А женщины говорятъ, что это сердце ворочается въ постели.
Я только что повзрослѣлъ, я еще пахну лакомъ и клеемъ,
Но уже умѣю въ мысль вдавить зубы острыхъ словъ.
Давайте, ласкающимъ въ глаза неосторожно свѣемъ
Легкія морщинки ночныхъ голосовъ!
Мы знаемъ: всѣ вопли, всѣ вскрики, проклятья и всхлипъ
Неумѣющихъ плакать надъ пудрой безмолвья,
—Это только огромный, колоссальный скрипъ
Земной оси, несмазанной кровью.

СВЯЩЕННЫЙ СОРЪ ВОЙНЫ

I.

Трамплинъ зенита вскинулъ солнце въ купальню неба
И оно заплескалось среди волнъ облаковъ...
Голосомъ глухимъ, задрапированнымъ въ трауръ крепа,
Война запѣла подъ аккомпаниментъ лязгнувшихъ штыковъ.
Обтирая со лба потъ, на кровь похожій,
Платкомъ изъ марли и изъ бинта,
Лицо изморщила окопами у придорожій,
Причастилась набожно у Краснаго Креста.
„Лишь я, война, одна свободна!
Броскомъ чугуннаго ядра
Я, старая, пускаю кȯ дну
Дредноуты и крейсера.
Покрывъ туманомъ, какъ шинелью,
Мой хриплый, старческій коклюшъ,
Простымъ плевкомъ моимъ—шрапнелью—
Оплевываю сотни душъ.
Зрачокъ мой слишкомъ черный взглянетъ—
И въ мигъ, за сотни верстъ, тамъ, въ городахъ,
Листокъ газетный чернымъ станетъ
Отъ объявленій о похоронахъ.
Когда жъ, уставъ отъ грузныхъ гирь,
Я кровью пропотѣю, на копье,
Чтобъ высушить, въ знакъ перемирья,
Развѣшу мокрое бѣлье,—
Что жъ, радуйтесь вы флагамъ этимъ,
На кладбищахъ вы вздохъ на вздохъ
Кладите и твердите дѣтямъ,
Что побѣдилъ войну вашъ богъ!

Но, человѣкъ, страшись меня ты!
Не спорь съ хрипящею войной!
Настанетъ день—и, какъ гранату,
Я въ Марсъ метну вашъ шаръ земной!

2.

Да! И въ тебя дымъ пушекъ куцый
Впился, свирѣпъ и дальнозорокъ,—
Котелъ европныхъ революцій
И грезъ народныхъ мрачный моргъ!
Вотъ—конь войны развѣялъ гриву
Изъ дыма, заревъ и клинковъ...
Страна забыла, что игрива
Была въ шампанскомъ кабаковъ.
Вчера кричала „браво" ты же
Кокоткамъ пляшущимъ вдогонъ,—
Сегодня на вискахъ Парижа
Синѣютъ локоны знаменъ.
Не для того-ль, съ лицомъ суровымъ,
Въ поляхъ отъ пули палъ солдатъ,
Чтобъ здѣсь Наполеономъ новымъ
Назвался новый Геростратъ?
— Нѣтъ! На постели изъ заводовъ
И фабрикъ, павшихъ подъ огнемъ,
Ты родила въ щемящихъ родахъ
Вѣсть о побѣдѣ надъ врагомъ!
Пусть въ желти огненныхъ закатовъ
Ярчѣетъ мутный дискъ войны,
Пусть мало доблестныхъ солдатовъ,
Какъ шариковъ въ крови страны,—
Утѣшься! Знай въ бреду мученій,
Что прусской злобственной осѣ
Не вырвать жало наступленій,
Завязшее въ твоей красѣ;
Что надо ждать, что часъ отъ часа
Мигъ ближе, тихнетъ ураганъ...
Рука французскаго Эльзаса
Излѣчитъ боль парижскихъ ранъ!

3.

И вамъ событій красныхъ горло
Хрипитъ о томъ-же, моряки...
Но холодны глаза, какъ жерла,
И въ нихъ, какъ бомбы, спятъ зрачки.
Вы, плѣнники свободъ, способны
И смерть спокойствіемъ плѣнить!
На сушѣ вы—но мореводны,
Въ моряхъ—но влюблены вы въ твердь!
За вами можетъ Лондонъ въ сажѣ
— О, полный золотомъ животъ
Страны!—забывъ про лагерь вражій,
Свѣрять съ приходами расходъ.
И даже въ этотъ годъ всебольный,
Когда міръ крутится, горя,
Вамъ трубка, шарфъ и мячъ футбольный
Нужнѣй, чѣмъ намъ слова....;
Вамъ суждено судьбою темной
Стереть слѣды нѣмецкихъ лицъ,
Какъ бы резинкою огромной,
Съ бельгійскихъ порванныхъ страницъ.
И, гдѣ Ламаншъ уставшій, въ мылѣ,
Къ вамъ обернулъ вспѣненный ликъ,
Тамъ островъ свой вы превратили,
На зло природѣ, въ материкъ.
Но все же взоръ англійскій брошенъ
Туда, черезъ проливъ глухой,
Гдѣ лугъ искусствъ всеміpныхъ скошенъ
Смертельной прусскою косой.
Къ востоку съ запада стремится
Земля, и вы, подвластно ей,
Туда же обратили лица
Свои и гулкихъ батарей.
Вы—въ нашей европейской ранѣ—
Выздоровленія залогъ...
Вы кинуты, о, англичане,
Земнымъ движеньемъ на востокъ!

4.

Мартъ... Косматые Карпаты...
Сѣрымъ пепломъ снѣгъ обвисъ...
Искрами летятъ со ската.
Красные мадьяры внизъ.
И гусаровъ пламя гасло,
Словно въ пепельницахъ, тамъ —
Возлѣ Дукло, возлѣ Ясло,
По долиннымъ темнотамъ.
Тамъ Галиція, какъ нищій,
Прислонясь плечомъ къ Руси,
Въ траурѣ и въ пепелищѣ,
Шепчетъ: «Помоги! Спаси!»
О, сестра Бельгійской Польши,
Польской Бельгіи сестра!
Не должна бояться больше
Ты венгерскаго костра!
Видишь—Таубе набѣги!..
Что-жъ, гремучій голубь, рѣй!..
Это Венгрія въ ковчегѣ
Выпускаетъ голубей.
Не Червонною, а Сѣрой
Ты приникла къ намъ, страна,
Причастившись съ кроткой вѣрой
Здѣсь военнаго вина.
И теперь, бреди же къ хатамъ,
Съ пѣснями садись къ окну:
Ты не будешь Араратомъ
Будапештскому челну.

Галиція

5.

Болота пасмурятъ туманами и накидано сырости
Щедрою ночью въ раскрытыя глотки озеръ...
Исканавилось поле, и зобы окоповъ успѣли вырости
На обмотанныхъ снѣжными шарфами горлахъ горъ.
И тамъ, гдѣ зеленѣлъ, обѣленный по́-поясъ,

Лѣсъ, прервавшій вѣтровую гульбу,
Мучительно крякали и хлопали, лопаясь,
Стальные чемоданы, несущіе судьбу.
О, какъ много въ маленькой пулѣ вмѣщается:
Телеграмма, сиротство, тоска и нужда!
Такъ въ сухой H_2O формулѣ переливается
Во всей своей текучи юркая вода!
По прежнему звонкала стлань коня подъ безжизненнымъ,
Коченѣющимъ, безрукимъ мертвецомъ;
А горизонтъ оковалъ всѣхъ отчизненнымъ
Огромнымъ и рыжимъ обручальнымъ кольцомъ.
И рѣдѣли ряды, выѣденные свинцовою молью,
И пуговицы пушечныхъ колесъ оторвались отъ передка..
А лунныя пятна казались затвердѣлой мозолью,
Что луна натерла объ тучи и облака

Галиція

6.

Какъ конвертъ, распечатана талая почва...
Изъ подъ снѣжныхъ проглядовъ—зеленый почеркъ весны...
Всюду, всюду одно. Сквозь вихри и ночь вы
Душите простые и вѣчные сны.
Всегда и всюду. И въ словахъ молитвы
Утерянной съ дѣтства «........»
И въ блесткихъ взрывахъ «..............»
Я вижу, Евгенія, отсвѣтъ вашъ.
Знаю, что солнце только огненная точка,
А лучи пряжа развернутаго мотка
И это пряжа отъ вашей черноглазой почки
До моего посѣрѣвшаго зрачка.
Даже здѣсь, гдѣ въ пушечномъ, громоздящемся калибрѣ
Машетъ бѣлымъ платкомъ, разставаясь съ дуломъ, ядро,
Гдѣ пулеметъ выкидываетъ стаи стальныхъ колибри,—
Я только о васъ. Всегда. Остро.
Стрекочетъ въ небѣ аэро стройное,
Какъ осколокъ боя залетѣвшій въ тылъ,—

Это вы перепечатываете на машинкѣ, спокойная,
Мой безалаберный, но рифмованный пылъ.
Даже въ вялыхъ движеньяхъ умирающихъ, скорбящихъ,
Уходящихъ съ непокрытою головой въ облаковую тѣнь,—
Я вижу только то, что здѣсь настояще:
Эта медлительность, облеченная въ вашу лѣнь.
Всегда и всюду. Сквозь гранитныя были,
Сквозь муаровыя бредни, въ которыхъ міръ возросъ,
Вижу васъ, промелькающую на аутомобилѣ,
И въ раковинахъ рѣсницъ пара черныхъ розъ.
Остро и вѣчно. Въ грохотѣ, въ гулѣ,
Въ тишинѣ. Повсюду. Одно, какъ одни...
Даже прямо въ грудь летящая пуля
Шепчетъ, какъ вы: «Милый! Усни!»

Галиція

7.

. . . Побѣги фабричныхъ трубъ въ воздухѣ выбили
Застылый, отчеканенный силуэтъ торчкомъ
И на этомъ фонѣ, какъ будто грозящихъ далекой гибели,
Городъ пробуженъ телеграфнымъ щелчкомъ.
Въ суматохѣ люднѣющихъ улицъ, гдѣ каждый къ другому приклеенъ,
Электрической жидкостью, вытекшей изъ редакціонныхъ колбъ,
Душа намазана свѣже-зернистой радостью у оконъ кофеенъ,
Вздрогнувшихъ отъ ура нависающихъ толпъ.
Напряглись стальные телефонные нервы,
Площадь не могла всѣхъ желающихъ обнять;
Стучали сердца, у которыхъ въ первый
Война сумѣла парнóе чувство отыскать.
Даже небо, сразу уставшее бродить пó-міру,
Подошло, наклонилось и просится въ стекло,
Туда, гдѣ, на липкую краску газетнаго номера,
Сотни взблеснувшихъ зрачковъ натекло.
Время скосило на циферблатѣ мгновеній сотни,
Воздухъ былъ пробитъ криками и не успѣвалъ уснуть
И каждая маленькая, узкая подворотня
Выросла и вытянулась, чтобы, какъ всѣ, вздохнуть.

И порой изъ огромной ползущей толповерти,
Какъ изъ бутылки пробка, шапки взлетали съ головъ,
Словно это плевки въ лицо изможденной смерти,
Осторожно выглядывавшей изъ сугробовъ облаковъ.
И комками привѣтствій встрѣчались вагоны,
Глядящіе строго и упорно изъ своей глубины,
Везущіе раненыхъ, слезы и стоны,—
Этотъ слишкомъ драгоцѣнный соръ войны.

8. Сергѣю Третьякову.

Что должно было быть—случилось просто,
Красный прыщъ событій на поэмахъ вскочилъ
И каждая строчка—колючій отростокъ
Листья рифмъ обронилъ.
Все, что дорого было,—не дорого больше,
Что истинно дорого,—душа не увидитъ...
Намъ простыя слова: «Павшій на полѣ Польши»
Сейчасъ дороже, чѣмъ цѣпкій эпитетъ.
О, что наши строчки, когда нынче люди
Въ сѣрыхъ строкахъ, какъ буквы, впередъ, сквозь оврагъ?!
Когда пальмы разрывовъ изъ убѣленныхъ орудій
Въ этихъ строкахъ священныхъ—восклицательный знакъ!
Когда въ пожарахъ хрустятъ города, какъ на пыткѣ кости,
А окна лопаются, какъ кожа домовъ, подъ снарядный гамъ,
Когда мертвецы въ полночь не гуляютъ на погостѣ,
Только потому, что имъ тѣсно тамъ.
Не могу я; нельзя. Кто въ клѣтку сонета
Замкнуть героическій военный топъ?!
Вѣдь нельзя-же огнистый хвостъ кометы
Поймать въ маленькій телескопъ!
Конечно, смѣшно вамъ! Вѣдь сегодня въ злобѣ
Запыхалась Европа, черезъ силу взбѣгая на верхній этажъ...
Но я зналъ безотчетнаго безумца, который въ пылавшемъ небоскребѣ

Спокойно оттачивалъ свой цвѣтной карандашъ.
Я хочу быть искреннимъ и только настоящимъ,
Сумасшедшей откровенностью сумка души полна,
Но я знаю, знаю моимъ земнымъ и горящимъ,
Что мои стихи вѣчнѣе, чѣмъ война.
Вы видали на станціи, въ часъ вечерній, когда небеса такъ мелки,
А у перрона курьерскій пыхтитъ послѣ второго звонка,
Гдѣ-то сбоку суетится и бѣгаетъ по стрѣлкѣ
Маневровый локомотивъ съ лицомъ чудака.
Для отбывающихъ въ синихъ—непонятно упорство
Этого скользящаго по запаснымъ путямъ.
Но я спокоенъ: что́ бѣгъ экспресса стоверстный
Рядомъ съ пролетомъ телеграммъ?!

9.

Гдѣ съ горъ спущенныхъ рощъ прядки,
Гдѣ поѣздъ вползаетъ въ туннель, какъ кротъ,—
Тамъ пульсъ четкій военной лихорадки
Мѣрный шагъ маршевыхъ ротъ.
Идутъ и къ небу поднимаютъ, какъ взоры,
Крѣпкія руки стальныхъ штыковъ,—
Бряцаютъ навстрѣчу имъ, какъ шпоры
Лихого боя, пули стрѣлковъ.
Въ вечернемъ мракѣ—въ кавказской буркѣ
Съ кинжаломъ луннымъ, міръ спряталъ взглядъ...
Въ пепельницу котловинъ летятъ окурки
Искусанныхъ снарядами тѣлъ солдатъ.

Ясло

10.

. . . Бой хромой, ковыляющій, съ губою закушенной,
Въ злобѣ и въ ярости уплелся въ даль пожирать полки,
А здѣсь такъ ненужно, въ тиши обезоруженной
Блеститъ штыкъ луннаго луча и сталь рѣки.
Только бредъ опавшихъ... Только глина черствая...
Да розовые трупы проросли сквозь лугъ...
А бой разбѣжался, и аркою семиверстною

Бризантный чемоданъ чертитъ свой пламенный полукругъ.
Тамъ все настоящее, а здѣсь раненое, игрушечное,
Я лежу, какъ кукла съ разломанной головой,
А тамъ, въ синѣющемъ далекѣ, волною пушечною
Бьетъ о молъ безмолвія непріятельскій прибой.
Все крутись, все вскружайся, мечись въ динамикѣ,
Цѣпь и надъ нею огненный мотивъ,
Словно крыша, а выше—нагибается небо въ паникѣ,
Сумасшедшее небо съ бинтомъ млечнаго пути.
Созвѣздья, трещите, какъ взрывы шрапнели! Лучъ луны, животъ мой вспарывай!
О, коли-же острый штыкъ луны!
Но мѣрно машетъ птичье зарево,
Какъ злобный арьергардъ войны.

II.

Тамъ, гдѣ дома оборваннѣй,
Не умѣя разогнуть спину двухъ этажей,
Гдѣ въ вокзальныхъ волнахъ масла и ворвани,
Скользятъ лучи фонарныхъ ножей,—
И тамъ, гдѣ въ сырыхъ подчердачныхъ гнѣздахъ
Пищитъ, какъ галчата, нищета,
Зацвѣтай же въ Москвѣ порохомъ воздухъ
И война-мотовка молніями подписывай счета!
А сейчасъ
Для васъ
Молнія только подвязка,
На толстыхъ ногахъ дождевыхъ тучъ;
А громъ—это только трясется связка
У . . . . . . за поясомъ и позвякиваетъ отъ рая ключъ.
Смотри небо розовымъ восходитъ восточно,
Между жизнью и смертью и блохѣ не скакнуть!
Надо здѣсь или тамъ, но точно, точно
Узнать, чѣмъ дышитъ восняхъ ваша грудь!
И когда время волосы ваши покроетъ слоемъ извести,
Очень сходной съ цвѣтомъ савана и кладбищенскихъ дѣвъ,
Увидящій будущее—безшабашно высвисти

Фривольной шансонетки гривуазный напѣвъ.
Есть бѣлый и черный и сомнителенъ сѣрый!
Шлепъ жизни въ халатѣ—лишь поэтовый бредъ.
Тому, что на небѣ земное счастье есть—возневѣруй!
Не хочешь? Бормочешь шатливое нѣтъ!
Мечтаешь увидѣть обманчивый Китежъ
Розовый, какъ дѣтская съ пологомъ кровать!
Поймите, родные, поймите, поймите жъ,
Что нельзя безногаго учить хромать!
Тогда надо грохнуться безвзглядно наземь,
Не видѣть въ закатѣ краски боевыхъ жилъ,
Забыть, что мы всѣ по шару лазимъ,
Цѣпляясь за сѣтку градусовъ, чтобъ не свалиться внизъ безъ силъ!

Тамъ, гдѣ безчисло людей, какъ страницы живыя
Вглубилось въ грязный переплетъ земли,
Для того, что когти ядра огневые
Ихъ растрепать, оторвать не могли,—
Тамъ свѣтитъ то же солнце брусвянѣющее,
То же огромное, обручальное съ живымъ кольцо!
Ну, что жъ! Быть спокойными смѣющіе!
Разсмѣйтесь вы этому солнцу въ лицо!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. Веснушки радости.

V. Въ складкахъ города.

VI. Священный соръ войны.

Стихотворенія, отмѣченныя звѣздочкой, печатаются впервые остальныя были напечатаны въ „Новой Жизни", „Первомъ журналѣ Русскихъ футуристовъ", „Дохлой лунѣ", „Вернисажѣ", „Пирѣ во время Чумы", „Крематоріи Здравомыслія", „Бей", „Засахаре Кры", „Всегдай",„Музахъ", „Авто въ облакахъ"„Нижегородцѣ", „Круговой Чашѣ", „Въ эти дни", „Очарованномъ Странникѣ", идр., и въ моихъ брошюрахъ „Романтическая Пудра" и „Экстравагантные Флаконы".